

*Оксане Ламоновой,
г. Киев
6 февраля*

Дорогая Оксана!

Спасибо за сладкий подарок ко дню рождения. Странная у меня теперь жизнь: получаю в подарок много всяких сладостей, стол для гостей – полная чаша, а есть всё это мне нельзя. Печень, желудок, жёлчный пузырь, кишки – все возражают против любой пищи, кроме картошки, курицы, хлеба и чуть-чуть чего-нибудь типа чая. Куда готовится моё тело? Было 49 кг, а стало 36 – бараний вес. Другие подробности моего физического воплощения – опускаю.

День рождения, как всегда, был многолюдным и весёлым, хотя для меня очень трудным, так как я почти потеряла голос и мне пришлось напрягаться, чтобы в общем шуме меня услышали. Ищу какой-нибудь лёгкий микрофон – усилитель моего голоса.

Псылаю тебе третью книгу Татьяны Бабушкиной, которая только что издана. Надеюсь на твой подробный отзыв по всем трём книгам.

К сожалению, сама до сих пор не могу полностью их перечитать: глаза мои не видят, а со слуха не очень люблю воспринимать. Никак не подберу очки для чтения. Впрочем, и книгу стало трудно держать. Сделала попытку приобрести технику для воспроизведения книг и прослушивания через наушники. Пока мне подарили диски с книгами Гессе «Игра в бисер» и «Бесы» Достоевского, а вот послушать некогда.

Ну, вот, пока и всё. Все мои шлют тебе привет.

Л.Г.

*Марьям Шакуровой,
Башкортостан
6 февраля*

Дорогая Марьям Фатхиевна!

Спасибо Вам за всё доброе, что живёт в Вашем сердце и отдаётся людям. Спасибо за Вашу малую лепту, внесённую в наш Фонд «SOS», которая дороже больших денег, ибо она из малой зарплаты и неглубокого кармана.

К сожалению, именно из таких карманов, в основном, и присылают люди помощь для бедствующих. Да это и понятно, у людей состоятельных и запросы другие, потому и расходы большие. Однако и в их числе есть такие, которые вот уже 10 лет помогают нашей организации, и благодаря им нашим детям живётся чуть легче, у них есть возможность бывать в санаториях на Чёрном море, носить новые кроссовки фирмы «Антилопа», «Терволина», «Дресс код», курточки от фабрики «Детская одежда», питаться продуктами фирм: «Демииург», «Фростмо», «Кампина», «Северный альянс», «Р-Вкус», «Партнёр-М», радоваться игрушкам фирм: «Юнитойс», «Тойдико», пользоваться канцелярией компании «I.T.I.» и проч.

Спасибо Вам и за то, что Вы заботитесь о моём здоровье – имею в виду предлагаемые Вами упражнения. К сожалению, я ленивый в отношении к себе человек, мне жаль тратить время на гимнастику и на всякое такое. Проснувшись и помолившись, я начинаю свой день с телефонных звонков, чтобы застать кого-то из директоров фирм, которые нам помогают или которые ещё не знают о нас. На этот поиск уходит много времени, а потом ещё каждому надо объяснить, кто мы, зачем звоним, рассказать о судьбах детей (если ещё выслушают), в общем, достать до сердца, а это теперь непросто – сердце спряталось глубоко внутри, и Божья искра в нём чуть теплится.

Ну вот, пожалуй, и всё. Дай Бог Вам удачи во всём!

Л.Г.

*Зое Беловой-Ремизовой,
с. Калинкино, Кемеровская обл.
7 февраля*

Здравствуйте, люди добрые, здравствуй Зоя!

Не хочется говорить о суетном, давай – о главном, как поётся в песне.

А что же самое главное? Может быть, что всё суета сует, что все претензии человеческие друг к другу – это зона вроде чёрной дыры,

в которую всё ухает, истекая той животворной энергией, которую Господь даёт совсем для других целей.

Так человеческая жизнь утекает в прорву бессмысленности, без совместного творчества с Богом.

Но беда в том, что человеку трудно увидеть и отделить суетное от главного, и потому всякое слово на эту тему проходит мимо сознания.

Может быть, пришла пора, наконец, заняться бытописанием моей жизни, о чём давно талдычат мне все мои друзья? А я всё думаю: да кому она нужна, моя книга, всё равно каждый живёт своим и думает о своём, а чужой опыт редко кого научает.

Тем не менее, сама я всем советую писать книги автобиографического характера, потому что каждая жизнь неповторима и время — тоже. Так много лет я уговаривала записывать и издавать свои педагогические опыты мою давнюю подружку Таню Бабушкину, удивительного человека с особым состоянием души, мышлением и деланием. Но она была практиком, работавшим с детьми всю свою жизнь, и ей было не до книги — так, заметки для себя, для друзей, статьи в газету. Мы никогда не знаем, в какой час оборвётся струна нашей жизни. Её жизнь оборвалась по дороге из своего родного города Ростова-на-Дону в Подмосковье, где живёт ее дочка, и только что родившаяся долгожданная внучка. Это были предпасхальные дни, она ехала радоваться празднику. Никогда не ездила в автомобиле, только поездом. А в этот раз сдала билеты, купленные на поезд, и поехала в машине.

По всей земле осталось много её учеников, которые собрали все её записи, заметки, случайные рисунки, разбросанные по свету, собрали всё и издали её книги. Мне кажется, что две из них я тебе послала под Рождество, а сейчас шлю третью. Может, кому-то из педагогов придется эти книги по душе и будут полезными в работе.

Возвращаясь к компьютерным знакомствам. Ты гляди за общением супруга с виртуальными женщинами, некоторые в них влюбляются и бросают свои семьи (это без шуток).

Вот пока и всё. Привет всем твоим.

Людмила.

*Татьяне Косяк,
с. Златополь, Украина.
8 февраля*

Дорогая Таня!

Атмосфера в доме далека от той, когда мы с тобой познакомились: никаких творческих идей и интересов, никаких книг, по телевизору дурацкие «мыльницы» – сериалы, всё меньше контактов с людьми интересными, образованными, всё меньше интеллектуальных разговоров. Конечно, смысл жизни не в разговорах, а в делах, но всё-таки когда угасает интеллект, настроение души сильно меняется и дела тоже делаются по-другому.

На примере своего дома, где всего-то живут несколько человек – муж, три сиделки, одна повариха да брат мой двоюродный – вижу, как распадается мир добра и любви: все возбужают от самомнения и собственной правоты, поиск справедливости отмечает чужие грехи, не видя своих, а если кто и видит, то гордится ими, как своим достижением независимости и достоинства. Всё смешалось в этом мире и встало с ног на голову: понятия о любви, достоинстве, культуре, свободе, независимости, добре, вере...

Я не удивляюсь, что твои родственники, как и мои близко живущие, не понимают твоего истинного положения, потому и подают советы неудобоваримые. Я вообще поражаюсь твоей выносливости, твоей адаптированности к тем сложным обстоятельствам, в которых ты сейчас живёшь, будучи таким большим человеком. По себе знаю, что человеку инвалиду даются силы и способности к организации своего жизненного пространства, когда он привлекает к себе силы других людей, но когда он живёт сам собой – это мужество, и я тебя за это уважаю.

О ваших политических делах слышу и вижу по телевизору. Опять же повариха у меня с Украины и знает вашу жизнь. Дай Бог, чтобы эта жизнь хоть немного стала достойнее ваших людей. Вокруг много вранья, и по телевидению только догадываешься о правде.

Танечка, с Интернетом у меня (как и вообще с компьютером) плохие отношения: я лежу далеко от экрана одного компьютера и спиной да затылком к другому, и изменить это положение невозможно, поэтому всё присланное по Интернету (фото, рисунки и т.д.) я не вижу, только в зеркало, а это не даёт представления, да и глазки видят плохо, а когда отпечатаешь на принтере, всё это имеет грустный вид. Так что ты не обижайся, если я не реагирую на твои старания. Могу только сказать, что при других обстоятельствах твоей жизни, ты могла бы стать хорошим художником, может быть, иллюстратором классических произведений. Ну да что же жалеть о том, чего нет! Во всех нас живёт что-то несбывшееся, которое, по словам Грина, зовёт нас.

А намеренно мне стукнуло 68 лет, и случилось это, как всегда, 31 января, и как всегда, собралось много людей. Даже наоборот цифры нельзя перевернуть, получается 86 – ещё хуже. Радуюсь тому, что Бог посылает. Сейчас жду, что Господь пошлёт мне таких людей, которые помогут мне финансировать дальнейшую реставрацию нашего храма – привести в первоначальный вид его вторую половину с колокольней. Вот будет радость! Только тогда придётся по крайней мере лет до 75 дожить!

Ну вот, Танечка, пока и всё. Если у тебя возникнет какая-то острая проблема, в которой я могу помочь, ты обязательно ко мне обращайся, не стесняясь и не комплексуя. Жила бы ты рядом, я могла бы тебе помогать более серьёзно.

Обнимаю.

Людмила Георгиевна.

*Елене Кузнецовой,
г. Шахты
17 февраля*

Дорогая наша Лена!

Наконец-то есть возможность сосредоточиться на письме, а то уж я совсем заработалась, засуеилась, запечалилась, захандрилась. Уже кончается, февраль, а снега столько, словно зима, только что началась. А главное – так по всей земле. Ты там не замёрзла?

Спасибо тебе огромное за посылку, радуемся всегда, как дети. Предполагали, что ты сама приедешь вслед за подарками, да, видно, что-то у тебя не получается. А мы-то кругом лежачков понаставили, спи – не хочу.

Отшумели праздники, последний из которых – мой день рождения. Как всегда, было много людей, вкусный стол, обильное питьё, шутки-прибаутки, игры какие сами придумали. Ещё раз я убедилась, что взрослые люди – те же дети: им дай волю подурачиться, потешиться детскими, забавами – они и рады.

Сегодня исполнился год, как ушёл из жизни Валера Прокошин, – нет его за нашим столом (горько до слёз). Вспоминали на дне рождения и его, и мою подругу ТиВи, Таню Бабушкину из Ростова-на Дону, которая часто бывала на моих праздниках, а на сей раз сюрпризом приехали её дочка и внучка.

Вот я и вступила в тот возраст, когда друзья уходят и становишься всё более одиноким. Новое и молодое приживается всё труднее, хотя Рита на это мне возражает. Когда приедешь, она расскажет тебе свои возражения.

Твоя Люсенька.

Ольге Голобурде,
г. Выборг.
18 февраля

Оленька, привет!

Все твои проблемы – это и мои проблемы, всё, что с нами происходит в родной стране, – повсеместно: бабушки плачут везде, инвалиды умирают в интернатах, а кто не может туда попасть – в своём доме, где получают помощь два раза в неделю от социальных работников. Социальные работники тоже плачут, обслуживая старого, немощного человека два раза в неделю за 250 рублей в месяц! Это если больной живёт в квартире с коммунальными удобствами. А если он живёт в частном доме с текущей крышей, проваленными полами, то социальный работник должен и дров наколоть, и печь истопить, и воды из колодца принести, и постирать. И всё это за 300 рублей в месяц. А если бабушка совсем никакая, пролила помойное ведро, и по всей нетопленной два дня избе замерзшие помои, то это должен убрать социальный работник! А чтобы ему самому не умереть с голоду, он набирает для обслуживания человек 10 и получает самое большое 3 000 рублей в месяц. Обхохочешься! Естественно, что он работает где-то ещё. А какой тогда от него уход?

Вот такая, Оленька, «селявуха» получается у простых одиноких старых людей.

Мы с тобой ещё хорошо живем. У тебя есть возможность передвижения, а я хоть и на кровати лежу, но могу передвигать мир вокруг себя, у нас есть сиделки индивидуальные, и интернат пока не грозит. Что бы ни случилось, у меня всегда есть тыл – монастырь, чей приют «Отрада» я опекаю через свою организацию, мы в добрых отношениях с настоятельницей игуменьей Николаей, и все сёстры монастыря тоже меня знают, так что в самом непредсказуемом случае меня туда возьмут. Могу и за тебя попросить, если нужда заставит. Матушка Николая очень хороший человек, простая, добрая, умеющая входить в положение другого человека. Монастырь из разрухи за 10 лет подняла, дети в её приюте получают не только среднее образование, но все поют, танцуют, многие рисуют, продолжают учиться за пределами приюта, а главное – получают духовное воспитание и живут с молитвой.

Три года назад я сподобилась съездить в монастырь в гости. Когда меня на каталке вынесли из машины, прямо у подъездной двери грянул детский хор, пели духовные песни не только дети, но и взрослые насельницы. Коля пошутил: «Тебя прямо как архиерея встречают, только что колокола не звонят...» Меня провезли по всему приюту, который мы усердно помогали строить, доставая разные материалы для его стен, мебель и прочее. Там такие уютные комнатки на

двоих—четверых детей, очень светло, уютно, красиво, и кругом разли-та благодать — так хорошо! Успели мы и на конец службы — это осо-бенно благоговейно: поют так, словно сами ангелы спустились с не-бес. Матушка поднесла мне ковчежцы со святынями для лобызания (обычно люди сами подходят к ним).

Оля, мне очень неприятно было читать о твоей поездке в мона-стырь, и дело не в том, КАКОЙ это монастырь, а КАК ты об этом рассказываешь. Мне кажется, в каком бы монастыре мы ни побыва-ли и как бы ни была там устроена жизнь, мощи, которые в них хра-нятся, везде святы, и называть их, как это делаешь ты, «расчленён-ками», не только неуважительно, но и кощунственно. Тело правед-ника, уподобившись своею святостью Богу, имеющему в своей пло-ти благодать Духа Божьего, достойно нашего почитания и благоговения, а мы, грешные, недостойны даже прикладываться к нему. Луч-ше было бы помолиться в этом монастыре, приложиться к частичке мощей да и попросить того святого о помощи в твоей земной жизни и за её пределами.

Оль, я бы тоже непрочь встретиться с тобой, да только живу на третьем этаже, и Коля мой больше не носильщик. Меня поднима-ют трое-четверо. А теперь уже и вовсе не выхожу: мужики, которые помогли носить, съехали из нашего дома, а кто остался, те — пья-ные. Устроить тебя в Москве у меня тоже нет возможности: у всех не-большие квартиры, а людей много, и даже своим негде спать бывает. Честно сказать, теперь все такие усталые, утомлённые работой люди, что мне им в нагрузку ещё что-то совестно навязывать. Подруги мои — кто старый, кто боль-ной, кто на работе с утра до ночи. В Третьяковку легче попасть, и в Пуш-кинский, и в театр — по-просить благотворитель-но билеты от «Дома адап-тации», как мы это дела-ем для инвалидов. А вот с жильём — проблема. Если что-то придёт в голову, тогда сообщу тебе.

А пока прощаюсь. По-моги тебе Господи.

Людмила.

Татьяне Пыжиковой,
г. Калуга
27 февраля

Танища, моя милая!

Вот и опять очередной твой день рождения, с чем тебя и поздравляю. И себя – тоже. Как-никак 68 стукнуло! А душа этого и не чувствует, вот только тело рассыпается. Всё реже стали встречаться со старыми друзьями за столом: кто болеет и тяжело подняться в дорогу, кто закружился в делах земных, кому и дома есть что покушать (у меня всегда хороший стол), в общении всё меньше потребности – все всё сказали друг другу за многолетние встречи, философствовать всем надоело и спорить об искусстве тоже, а рассказывать про базар и дорогие цены можно и у себя дома... Тем не менее собрались все те, кто хотел и мог. Вот только мне стало тяжело переносить большие встречи: говорить трудно (связки голосовые подорвала на работе по телефону), да и терпения нет лежать неподвижно под простынёй перед гостями. Опять же – выпить нельзя, поесть – ни того, ни этого, песни не поются ни мной ни гостями – настроение такое у всех «непесенное».

Если продолжать тему, как всё ухудшилось в моей жизни, то не хватит этого листа, а потому лучше я тебя ещё раз поздравлю, теперь уже с 8 марта и пожелаю тебе (и мне) вытерпеть эту жизнь до конца, ни на кого не озлобившись, не обидевшись и не обидев никого, не забывая себя прежних, которые о чём-то мечтали и верили, что всё это сбудется, и ждали с надеждой.

А в качестве подарка посылаю тебе только что вышедшее издание трёх книг Татьяны Бабушкиной, погибшей в автомобильной катастрофе накануне 30-летия нашей дружбы. ТиВи, как звали её дети, – пример, как надо не забывать своего детства, веры в несбыточное, интереса к окружающему миру, тех чувств сердца, которые уходят с

годами. Педагогический опыт её вряд ли повторим другими, и не всё в нём бесспорно, тем не менее все радуются, что друзья, её бывшие ученики, собрали деньги и издали эти книги. ТиВи много раз давала уроки, проводила мастер-классы в Боровске – в Центре социальной педагогики, в Ноосферном лицее, вела лагерь для боровских детей-инвалидов в Пафнугьев-Боровском монастыре, занятия в клубе детей-инвалидов «Чашка чая», читала лекции на разные темы в воскресной школе в том же монастыре.

Её смерть для всех была так неожиданна, что до сих пор не верится, как не верится, что прошёл год со дня смерти Валерия Прокошина, чему был посвящен памятный вечер в нашей галерее и в Москве в Булгаковском доме. Вот мы и уходим понемногу и даже проститься, бывает, не успеваем друг с другом.

Как ты? Как Маша? Вспоминаю счастливые дни, когда приезжала ко мне твоя Маша, Лена Фролова из театра Камбуровой (теперь она звезда), Вера Евушкина и сама Лена Камбурова, Андрей Крамаренко – все эти певцы звучат и на радио, и по телевидению, даже странно вспоминать, что сидели с нами вместе за столом, выступали на моих презентациях в Боровской галерее. Всё как-то прошло-пролетело. Помнишь, как назывался один прекрасный спектакль с двумя актерами: Раневской и Пляттом – «Дальше – тишина»? Вот и у меня теперь наступает пора тишины.

Очень хочу тебя увидеть хотя бы на фотографии. Может, пришлешь? Я свои последние фотографии посылаю стесняюсь – такая жирная была, как поросёнок, а за последний год с 49 кг съехала до 36, все три подбородка почти исчезли, только шкурка висит, но новых фотографий пока нет. Мы их делаем сами с цифрового фотоаппарата на цветном принтере через компьютер, а Коле всё некогда!

Ну, пока на этом заканчиваю своё ностальгическое письмо. Дай Бог всем нам хоть какого здоровья, чтобы совсем уж не затосковать.

Твоя Люсица.

*Алле Петуховой,
г. Санкт-Петербург
3 марта*

Дорогая моя подружка Алла!

Снова настает твой день рождения, и я тебя поздравляю. Уже не хочется считать годы, а только радоваться, что всё ещё живем. Хотя продление жизни накладывает свои обязательства: если Господь оставляет нас ещё и после 70 лет, значит, от нашей души Он ждёт восхождения к лучшему, к тому, какими Он нас видит, а мы, быва-

ет, и сами не знаем, какими можем быть. Вот и даётся нам время на жизненном пути узреть себя и стать собой.

Я немножко догнала тебя — мне стукнуло 68. Возраст этот чувствует только тело, а душа... Хотя она и устала от всего того, что узнала об этой жизни, всё ещё хочет действовать, чувствовать, видеть, дышать, радоваться и удивляться всякий раз тому, что она уже знает. Вот такой парадокс!

У нас внешне ничего нового не происходит, а то, что происходит внутри и никому не видно, — это другая история, из книги, которую я, может быть, когда-нибудь напишу и подарю тебе. А пока дарю то, что могу: книгу Осипова «Бог» (хотя её надо читать с оглядкой — так говорят церковные люди), и платочек на головку — ходить в церковь.

Про Колю ничего нового рассказать не могу. Он всё исполняет, что надо сделать по дому, но жизнь его души отдельно от моей и какая-то совсем другая, он как бы «в своей тарелке», в которой ему и было предназначено жить с детства, а на мою орбиту он выскочил случайно и жил не самим собой, а тем, кого я в нём хотела видеть. Он привязан к той женщине, с которой выпивает и общается, и все его попытки вернуться на мою орбиту безуспешны, да он, мне кажется, уже и не хочет этого, а хочет поскорее износиться и уйти из жизни. Я устала бороться против этой ситуации и внешне смирилась с тем, что есть. Господь говорит: «Без мене не можете творити ничесоже». Вот это, наконец, я поняла через наше с Колей обстояние. Да и вообще это бессилие что-либо изменить я всё чаще чувствую. В прошлом году произошло столько событий, через которые ушли мои надежды и вера в свои собственные силы. С духовной точки зрения это хорошо, и может быть, является духовным продвижением, а проживать по-земному всё это трудно.

Однажды по благословению о. Олега, нашего бывшего духовника, я взяла опеку над своим двоюродным братом, который после смерти своей матери увлекся питеём. Мы обменяли Валерину квартиру на квартиру в нашем доме и с уговором, что он не будет пьянствовать, поселили его в ней. А чуть позже мы с ним решили, что он поселится в кухне моей квартиры, предназначенной для сиделок, а в его жильё въедут наши друзья из Семикаракорска Неля и Миша с детьми (хотя бы на время). Я хотела помочь им найти здесь работу и выбраться из бедности, в которой они жили.

Валера согласился и прожил так шесть лет, время от времени бушевал, запивая и ругаясь, испытывая дискомфорт бытования на моей кухне. И я решила, что ему надо вернуть его собственную квартиру, а Неле и Мише уйти на съёмную. Все эти годы я надеялась, что мы станем одной семьёй с Нелей и Мишей, но разделились не только наши жилища, но и наши общие взгляды на жизнь, взаимопомощь, наши надежды на лучшее, и мы больше не видимся, как будто и не дружили с Нелей с её 14 лет (сейчас ей 33).

Всё это выглядит, как землетрясение, от которого пошли трещины по судьбам и по нашим человеческим отношениям.

Наверное, так и должно быть, чтобы всем нам понять, КТО ЕСТЬ КТО. Слава Богу за всё!

От Митрополита Калужского и Боровского пришёл запрос в районную администрацию о передаче храма, который мы реставрируем, в Калужскую Епархию. Администрация вынуждена это сделать, но надо найти помещение для нашей организации под склад гуманитарной помощи. Мы и сами рады бы выехать уже теперь из храмового здания и продолжать реставрацию, но пока некуда — всё в городе схвачено, даже детские кружки находятся в подвалах государственных учреждений. И это тоже неспроста, может быть, какая-то новая страница моей жизни.

Что касается здоровья, то оно благополучно убавляется, а сиделки прибавляются.

Расскажи, хоть немножко, как живётся тебе и Алёше. Я за вас молюсь почти каждое утро и желаю, чтобы жизнь ваша была тихой и мирной, как и подобает людям скромным, без претензий к этому плотскому миру.

Дай Бог тебе в новом году жизни не утратить свои былые достоинства и приобрести новые. Алёше привет и самые добрые слова и пожелания. Задумаете приехать — всегда буду рада.

Целую.

Люда.

*Юрию Холопову,
г. Калуга.
10 апреля*

Юра, привет!

Незаметно пролетел целый месяц с тех пор, как получила твоё письмо, которое меня очень растрогало своей искренностью и доверием, которое теперь между людьми чуть теплится. Сообщаем друг другу главным образом информацию, и даже не о себе, а о ком-то и о чём-то другом: куда ходили, что ели, кого видели и кто что сказал... Так редко душа плачет и слёз своих не скрывает в общении друг с другом. Все стесняемся чего-то, боимся своей обнажённости.

Вот и я незаметно «каменею»: сердце болит, многим мучается, а рассказать некому. Коля давно моей душой не интересуется, а те, кто

всегда рядом, в основном ташат на своих руках мои болезни, к которым все привыкают, если они каждый день с утра до вечера и с вечера до утра, и перестают их чувствовать и им, болезням, сочувствовать.

Ещё одна проблема: наш главный благодетель, друг нашей семьи, который много лет оплачивает моих сиделок-хожалок, переживает кризис своего бизнеса, но поскольку знает наше положение и сочувствует ему, сам берёт в кредит деньги в банке и посылает мне для оплаты по уходу. Оплата эта давно не соответствует моим расходам (цены-то растут на всё), и потому приходится искать дополнительные средства у других предпринимателей.

Всё чаще меня посещает мысль – предчувствие какой-то новой полосы в моей жизни. Ещё не могу нащупать точное направление, а то, что идёт от своего ума, своего предположения, может быть ложным. Вероятно, сами обстоятельства «прижмут» так, как потом и будет. А предчувствие моё ведёт меня в монастырь. Игуменья монастыря, приют которого мы опекаем, когда я при встрече с ней обронила фразу на эту тему, тут же поддержала это моё душевное движение.

А ещё чуть ранее я советовалась с отцом Дмитрием, священником, окормляющим меня, по поводу ситуации, которая сложилась у нас с Колей несколько лет назад. И высказала намерение выйти из этого положения, уйдя в монашество. Так Коля стал бы свободен без развенчивания нашего брака. На это батюшка мне ответил, что у меня и так образ жизни монахини в миру, и нечего, мол, огород городить. Так я и застряла между этими двумя мнениями. Есть ещё третий вариант: не выходя из дома, создать в нашей квартире скит, в который матушка прислала бы своих сестер. Будем все вместе молиться, они будут ухаживать за мной, и в то же время я могу продолжать свою работу уже в качестве послушания, по-прежнему добывая материальную помощь для монастыря и приютских детей. Если мои теперешние сиделки захотят быть со мной, они могут быть в качестве трудниц, но образ жизни в нашей квартире, конечно, изменится: никаких

телевизоров и прочих развлечений, кроме богоугодных дел и христианских праздников.

Вот такие размышления последнего года жизни я «належала». Как ты к этому относишься? Коля об этом ничего не знает, да я и не делюсь, поскольку у него наверняка другие мечты и предположения о своей совместной жизни с новой любимой женщиной.

В начале нашего брака мы оба с ним романтически верили, что брак наш необычный, Богом благословенный, и что умрём мы вместе. Ну, как говорится, у Бога всего много.

Юра, меня сердечно зацепило твоё письмо, в котором ты пишешь о ТиВи, о своей дочке, о том, что происходит между вами и что сам ты переживаешь. Я очень рада, что в сердце твоём открылся путь к пониманию своего ребёнка – это так редко в наши дни. Я очень сочувствую сегодняшним детям, которые агрессивны, озлоблены, непослушны и ведут себя отчаянно, как бы протестуя против «правильной» жизни своих родителей, соседей, знакомых из числа взрослых. Так было и прежде, всегда существовали молодёжные группировки «повстанцев», но сейчас мне видится, что молодёжь стала более жёсткой, утратившей эмоциональное чувство в отношении к другим, сосредоточившейся только на своей неудовлетворённости жизнью. Когда-то в одном из интервью ТиВи сказала, что взаимоотношения детей и взрослых похожи на отношения подростков к маленьким детям, то есть взрослое поколение – не взрослые люди, а с сознанием подростка, равнодушные, властные, использующие преимущество сильного над слабым. Вот дети и сопротивляются, как могут, и теперь взрослые от них плачут. А ещё ТиВи говорила, что в жизни ребёнка очень много своего горя, своих бед, только взрослые к ним относятся свысока, и когда ребёнок не может сам разрешить проблему, а взрослые в стороне решают только свои, то у ребенка потихоньку начинается шизофрения.

Вообще тема детей – моя любимая, как, впрочем, и тема животных, и говорить об этом я могу долго.

Конечно, приезжайте с Надей вместе, думаю, мы сможем пообщаться, а, может, подружиться. Так нередко бывало раньше: начинали дружить с родителями, а потом я переходила по наследству к их детям на долгие годы. К сожалению, теперь уже нет тех сил, тех увлечений, тех интересов, которые роднили с мамами и их детьми – от юных интересов я как-то отдалилась и смотрю на всё из далёка своего возраста.

Ну, вот пока и всё. Буду рада и встрече, и письму. Вот только посвящу тебя в одну большую «тайну»: та, кого ты называешь Раей, на самом деле – Рита, Марго, Маргоша... А вторая моя сиделка – Таня. А ещё у меня есть Ляля, которая по паспорту Рая.

До встречи.

Людмила.

*Зое Беловой-Ремизовой,
с. Калинкино, Кемеровская обл.
11 апреля*

Дорогая Зоя!

Всегда радуюсь твоим искренним, доверительным, юморным письмам. Посылаю для твоих детей книжечки, которые, наверное, и тебе в самый раз.

Ещё посылаю тебе свою фотографию, самую последнюю из всех. Видишь, тела уже нет, одни крылья остались (в виде платка) да физиономия.

Газеты старые я получаю от тебя первый раз, очень смешная композиция из моего рисунка, моей физиономии и Колиной фотографии. А уж как текст журналисты путают, я-то знаю. Даже наш бывший духовник, который нас сам венчал, однажды в своей статье написал про нас с Колей, что венчал нас дома, сделал нам из картона венцы. Я не знала, плакать нам или смеяться, или у него что-то с головой было в то время, когда писал.

Я тоже бываю забывчивой, но венчание своё помню, как сегодня. Была весна, май, было холодно, на меня надели белый полушубочек искусственного происхождения, на голову шерстяную чёрную шапочку и на коляске повезли в церковь. Нам пришлось подождать,

так как венчалась другая пара, и из храма доносилось красивое пение. Пару венчал другой священник. Я слушала пение и думала, как всё красиво будет у нас с Колей. Но наш священник никакого церковного пения нам не устроил, а оставил на «ящике» тётки, которые всегда убираются в храм по окончании службы, и эти служительницы громко стучали посудой, мыли её, переговариваясь на весь храм так, что батюшка во время венчания прервал молитву и одёрнул их. Так под звон посудной лавки мы и повенчались без гостей, без молитвенных песнопений и прочих торжеств. Но мы были так счастливы, что не испытывали никакого неудовольствия.

С весной тебя и всех вас! Пока прощаюсь.

Людмила.

*Вере Алейновой,
г. Лермонтов.
2 мая*

Дорогая Вера!

Давно не пишу писем за очень редким исключением или по нужде. Так что простите меня. Все Ваши пожертвования получаю и благодарю за вашу драгоценную лепту.

Внешне у меня всё по-прежнему, а на самом деле я сейчас в тисках обстоятельств, которые меня зажали. Предстоит перерегистрация нашей организации с Москвы на Калугу. Наша новая организация будет называться «Дело Общего Милосердия – дети-сироты и инвалиды»: так мы ухитрились по первым заглавным буквам сохранить слово ДОМ. Предстоит много хлопот по оформлению документации и много всяких телодвижений с поездками в Обнинск, в Калугу. Ну да ничего, надеюсь, в новом качестве с новым названием будет то же содержание нашей работы. Жаль только, что уходит время для поездки детей в санаторий, а у нас, пока не оформлен новый устав и все остальные документы, нет статуса.

Ещё одна проблема. С администрацией заключён договор на аренду всего помещения храма, где располагается наш склад, с условием продолжения реставрации, а это значит, что мы берем на себя большую ответственность по восстановлению храма, не имея ни копейки денег. Но в то же время – «назвался груздем – полезай в кузов», деваться некуда. Предстоит выстроить колокольню с нуля, так как она была почти до основания разрушена, отремонтировать крышу двух приделов и трапезную, ну и всё остальное. Денег никто не даёт, в ящик, который висит на храме, кладут по десять рублей – и то слава Богу. А самый больной вопрос – нашему складу надо куда-то съехать, чтобы в храме начать службу, которая возможна уже в сегодняшних условиях. На городской Думе рассматривался этот вопрос, ничего подходящего не нашлось и в ближайшее время вряд ли найдётся.

Вот я и рассказала обо всём, что накопилось в моей жизни за последнее время. Только не думайте, что я жалуясь, это только рассказ о том, чем наполнены мои дни.

Как ваши дела? Настроение? Чем жива душа: чему радуется, чему печалится?

На этом пока заканчиваю своё письмо. Здоровья, радости, Божией помощи.

Людмила.

*Оксане Ламоновой,
г. Киев, Украина.
2 мая*

Дорогая Оксана!

Под нашим окном рябина распустила свои листочки и скоро зацветёт. Когда мы въехали в эту квартиру, рябинка была совсем маленькая, почти веточка, а сейчас достаёт макушкой до третьего этажа. Наша Маса, которая очень пуглива, в ветреный день с ужасом смотрит на окно с вопросом в её больших глазах: что же там так страшно качается, — и бегом под мою кровать. Под кроватью она проводит почти половину своей жизни — там она себя чувствует в безопасности.

Этого не скажешь о двух других котах, которые могут развалиться на обеденном столе в присутствии хозяев. Особенно Макс. Будучи любознательным котом, он обязательно осмотрит всё что есть на столе новенького, любит обнюхивать вновь принесённые цветы и лежать под ними или попробовать на зуб, а также обследовать сумки и обувь проходящих. Я всё время жалею, что ему приходится, как и мне, жить в плену замкнутого пространства. Вот бы он разгулялся во дворе! Очень сильный кот, подвижный, любопытный, и до всего ему есть дело.

Вот чего не любит, так это мыться. Если бы ты слышала, какие он издаёт вопли в банный день, ты бы подумала, что его режут живём. А орёт как-то не по-кошачьи, а как младенец, даже страшно. То же самое с вычесыванием его густой шерсти, только не орёт страшным голосом. В общем — грязнуля. Однако где-то в его генетике есть аристократическая ветвь, и в пустой горшок он ходить не желает, требуя камни, и не какие-нибудь, а самые дорогие (я разорюсь, наверное, на этих камнях). Все попытки упростить форму его интимной жизни заканчивались тем, что он гадил на ковер — мстил, значит.

Ничего этого не скажешь о Мики: аристократ, интеллигент, уважающий себя, не позорящий свою породу. Уж если ест, то не жрёт, а кушает (чего не скажешь о Макс: вытаскивает куски из блюда и потом жрёт на полу, растаскивая по комнате, играя с кусками), а уж если моется, то стоит, как конь, и звуков не издаёт. Всё делает с достоинством, даже в туалете после него никогда нигде не валяются кусочки из-под хвоста, хотя камнями не пользуется. Всегда чистый, облизанный.

Что касается Масы, то по своей пугливости она всё принимает смиренно: вымыть её можно одной рукой, ибо в другой руке она повисает, как тряпка, и даже не питюкает. Мне всегда жаль её беспомощности.

На все эти банные процедуры требуется не одна простыня и не одно полотенце. Потом они все долго сохнут. Заканчивается праздник чистоты долгим расчёсыванием их прекарных шкурочек.

Чтобы как-то разнообразить существование, в прошлом году накупила я себе комнатных цветов с экзотическими названиями, которые до сих пор не запомнила, типа «Замиокулькас», «Kiwi Cordyline» и т.п. Искали самые подходящие для окон южной стороны, где почти всегда солнце и жарко. Правда, лежа на диване в одной комнате или на кровати в другой комнате, я не вижу ни одного цветка, но чувствую их кислородное дыхание, да и другим веселее смотреть на окна. Опять же котам радость полежать среди природы, понюхать. Когда Макс был совсем маленьким, он грыз кактус, и до сих пор кактус так и растёт весь покусанный. А уж как Макс не занозил иголками свою пасть, для меня остаётся загадкой. Обожает китайскую розу, ветки которой стелются низко над столом, и он ложится под ветку и, наверное, чувствует себя в зарослях львом. Однажды пересадили цветок и отломали одну ветку, Макс рассерчал и перестал спать под цветком, пока ветка не отросла.

А два года назад моя знакомая подарила мне орхидею, которая начала распускать цветы. Потом она отцвела, её палка засохла, и мы думали, что больше цветов не увидим. Однако вырос новый побег уже из двух веточек и сейчас всю цветёт.

Вот пока и всё. Добрых тебе дней, хорошей погоды, радости в сердце, новых стихов.

Л.Г.

*Александру Меламуду,
г. Москва.
6 мая*

Саша, здравствуй!

Мне стало трудно говорить — я теряю голосовые связки и силы дыхательные, поэтому попросила у тебя факсовый номер, чтобы написать тебе письмо. Ну, раз ты прислал электронный адрес, шлю письмо по электронке (Ритулька печатает).

И так пришло лето и принесло тысячу проблем, одна из которых — реставрация храма Крестовоздвижения. Очень прошу тебя помочь разрешить эту проблему хотя бы частично. В первую очередь мне нужен специалист, который обчислил бы размеры и расходы для приобретения материалов, и если бы ты благословил Володю на это дело, я была бы тебе очень благодарна. Мне ещё придется обращаться к знакомым и незнакомым людям с просьбой благотворительно помочь материалами. И у меня очень слабая надежда, что в настоящее время кто-нибудь окажет эту милость, во всяком случае денег никто не даёт, а если дает, то очень малую сумму, на которую я сейчас и начала работы по возведению лесов и разборке внутри помещения всяких советских пристроек-надстроек. Миша с Колей работают вдвоём, да и то по вечерам — днём Миша на работе. Чуть не задохнулись от голубиногo помёта, который посыпался из разрушенной колокольни, когда вскрыли проход в неё. На себе сейчас почувствовала поговорку: «Нежели небогат, нечего и начинать».

Вторая проблема — разрушенный карниз, который надо восстанавливать, иначе не на что класть крышу, и если ты сможешь прислать мне пару каменщиков, то, может быть, удастся поскорее (по времени) решить и этот вопрос. А о дальнейших проблемах думать страшно: надо искать пиломатериалы и кровлю. Но эта тема тебя не касается (пока).

Сашенька, дружок, из любви к тебе не буду больше грузить своими проблемами, а то ещё много чего могла бы рассказать на темы всяких испытаний нашего терпения, скорбей, сил и бессилия.

Сейчас особенно остро испытала на себе, что значит учиться смирению. Трудно жить в согласии с обстоятельствами, и только об одном думаю: как жить в согласии с Богом и как слышать глас Его. Вот пока и всё. Не бросай меня!

Людмила.

*Ольге Голобурде,
г. Выборг.
6 мая*

Дорогая моя Оля!

Вот она я! Чуть тёпленькая — с температурой 34,6, 36 кг весом, почти безголовая и безволосая, ну и, конечно, безлошадная. Если бы ты знала, как мне надоело лежать (скоро 12 лет — на спине)! А куда деваться?! Вот уж теперь-то я понимаю, что значит смиряться, когда растёт раздражение на своё положение, а изменить ничего не можешь.

Вот и встаёт вопрос: роптать или не роптать? А что толку роптать? Только Бога гневить, положение-то не изменится. Но это всё понимаешь только головой, а жизнь состоит не только из мыслей, но ещё из ощущений, эмоций, чувств... И всё это так трудно упрятать в одну колею мысли. И так непросто со-гласиться с Богом во всем, что Он посылает. Я стараюсь, но не всегда слышу глас Божий.

В Интернете искала санатории, наиболее подходящие для тебя. Один из них уж больно мне понравился – он по профилю твой – ревматоидный артрит, и цены там не страшные. Для тебя одну путёвку я могла бы оплатить, если ты можешь туда поехать, а вот на сопровождающую и на билеты надо просить у кого-то из твоих близких помощников. Есть ли такая возможность?

Лето опять же – пора реставрации, а денег нету. Начали работы во второй половине храма, разбираем советские пристройки и возводим леса. Работают два человека, да и то после рабочего времени, то есть вечером. Мне такие темпы не нравятся, а ускорить процесс не получается: поскольку нечем платить, то и не на что нанимать чужих людей – работают свои. Ну да надеюсь, что Бог не оставит нас без земной поддержки. А мой благодетель говорит, что сам землю есть будет, а меня не бросит.

Как осуществляется твоя мечта о поездке в Москву? Есть ли помощники? Может быть, удастся как-то привезти тебя к нам и «забросить» на третий этаж? Как там поётся в песне-то – «если долго мучиться, что-нибудь получится».

Ты не волнуйся, если я долго не подаю признаков жизни – это только означает, что я погрузилась с головой в какие-то срочные дела, требующие безотлагательного моего внимания и исполнения. Ну, а если уж что-то непредвиденное, тебе обязательно сообщат, и уж тогда ты за меня молись (впрочем, молись и теперь, чтоб мне осуществить все свои дела).

Не знаю, удастся ли в это лето выбраться в большое пространство с каким-нибудь укороченным путешествием. Хочется надеяться, что ещё увижу небо, если не в алмазах, то в облаках. А вот Жар-птица никак не прилетает, чтобы сказать: «Люсь, давай вставай, полетели вместе!» Видишь, какие фантазии на старости лет належала!

Ну, вот пока и всё. На три года вперёд написала тебе. Пиши ответ.

Люда.

*Юрию Холопову,
г. Калуга.
10 мая*

Юра! Здравствуй, дружок!

«Здравствуй, дружок!» – такой фразой в прошлые времена начиналась в 10 часов утра радиопередача для детей, а потом шла сказка. А вёл эту передачу артист Николай Литвинов. Такой уют был в доме от этой сказки, такая тишина, мир... Теперь таких сказок нет, и артистов таких нет. Всё ушло, как само детство. Теперь сказки другие и дети тоже. Честно признаться, я не знаю, как с ними разговаривать. Я не люблю, когда с ними сюсюкают, как с больными, мне не нравится, когда с ними разговаривают, как со взрослыми, – у них ещё другое восприятие жизни, а мы навязываем им своё, взрослое – практичное, рациональное, словно они пожившие старички. Мы забываем себя в том возрасте, отсюда и непонимание друг друга, мы не даём им права на ошибку, а более всего хотим, чтобы они жили так, как хотим мы.

У твоей Нади детство кончилось, а взрослая жизнь ещё не началась, она застряла на перекрёстке и пытается идти в одну сторону, а ты зовёшь в другую. И тогда у человека начинает раздваиваться его путь, это и называется расстройством психики, этого тонкого механизма, который должен быть в гармонии – если не с миром, то с самим собой обязательно. Я ничего нового не открываю, говоря всё это, да и многие это сами знают, только забывают в процессе жизни.

Дай Бог вам с Надей найти гармонию в ваших отношениях! Когда-то давно духовным отцом мне было сказано: еслилюбишь – отпусти. Такая вот она странная эта христианская любовь – не посягать на свободу выбора другого человека. Мы любим не по-христиански, а по древнему природному инстинкту присвоения. Присваиваем чужую жизнь и хотим ею распоряжаться будь-то жена (муж), ребенок, друг, сотрудник... А ещё наш духовник говорил, что подавать советы надо, когда спрашивают. Вот такая премудрость: пришёл человек, спрашивает – значит, его Бог послал к тебе, а мы чаще всего влезаем в чужие обстоятельства со своим мнением.

И опять ничего нового я не говорю, всё давно известно, только ведём мы себя не по-христиански.

Ну, а мою жизнь представить кому-либо трудно, скорее, невозможно, как мы не можем вообразить чью-то другую, а если представляем, то и общаемся друг с другом своими представлениями. Отсюда много непонимания между людьми. Я уже и сама-то не представляю, как я двенадцатый год лежу на спине и не сошла с ума. Только в последние годы стала уставать и отчаиваться и желать дру-

гой жизни. Это от усталости однообразия. Могу посочувствовать тем людям, которые находятся в таком же состоянии, как я, и не имеют возможности работать, что-то делать, как-то двигать мир вокруг себя.

Жизнь стала тяжелее от того, главным образом, что раскачался наш с Колей дом и мне трудно одной поддерживать крышу, чтоб не упала нам на голову.

А причём здесь твой стыд и твоя вина? Вот молиться о нас очень надо, обо всех, как о болящих. Сама я не имею сил на настоящую молитву, сознаю это, понимаю, какой она должна быть, чтобы соединиться с Богом, а внутри такая вялость и рассеянность, что слова молитвы скрипят, как песок на зубах. Наверное, только один раз и молилась всем сердцем, когда умирала мама.

Впрочем, есть такое духовное мнение, что один молится, как живёт, а другой живёт, как молится. А потом мама умерла. Моя молодая родственница во время похорон всё задавала себе вопрос: «Ну, где же теперь тётя Дуся»? А ночью ей приснился сон, словно ответ на её вопрос: небо, затянутое облаками, и вдруг облака раздвинулись, как театральный занавес, и сверху полился солнечный свет, и возникло лицо моей мамы, счастливой, спокойной, радостной. А потом облака сдвинулись, и сон кончился.

И ещё только несколько раз можно посчитать, когда я действительно молилась. Иногда мне кажется, что мы живём так же лениво, полуспя, еле-еле шевелясь, как и молимся, как будто у нас тысяча лет впереди.

Возвращаясь к теме моей активной жизни, помощи другим, думаю, что никто не пропадёт, с голоду не умрёт, босиком не останется и без трусов тоже. Может быть, чуточку будет жить потруднее, но зато меньше будет таких ситуаций, когда детдомовцы, которых хорошо опекают, швыряют новые штаны на помойку, приговаривая «да ладно, еще дадут!» Это в ответ на предложение, что штаны можно бы и постирать.

Я иногда сомневаюсь в том, что я делаю верно, потому что эти дети воспринимают, как должное, заботу о них (как, впрочем, и домашние дети), считая, что все им что-то должны, не ценя и не благодаря никого за эту заботу. Может, это и правильно, только часто дети не умеют потом заботиться даже о своих малышах, и самый большой процент брошенных ребятишек — это дети детдомовских девушек.

Спасибо, тебе Юра, за тёплые и добрые письма последнего времени, они согревают меня именно теперь, когда на душе так сложно, смутно так, что чувствую оставленной себя не только мужем, друзьями, но и Богом. Но, может быть, это как раз тот случай, о котором рассказывает притча. Старый человек, умирая, увидел во сне всю свою жизнь в виде длинной цепочки следов на песке, а рядом с его следами шли ещё чьи-то следы.

— Да ведь это Господь рядом шёл! — догадался старик.

Но, к огорчению своему, увидел он также, что в тех местах его жиз-

ни, когда особенно тяжело ему было, только одни следы отпечатались на песке.

– Как же так, Господи? – с укором сказал старик. – В самые трудные годы бросал Ты меня!

– Нет, – ответил Господь с небес. – В те годы я тебя на руках нёс...

Спасибо тебе за то, что если не на руках несёшь меня, то идёшь хотя бы рядом.

Людмила.

*Александру Меламуду,
г. Москва.
27 мая*

Дорогой Саша!

Лежу. За окном, вокруг меня стеной проливной дождь, не дающий никакой надежды на работу, которая не доделана Ритой и Колей у храма. Ко всему прочему три дня назад Коля сорвал спину свою остеохондрозную. Ещё раньше Миша упал с козел и повредил рёбра. Теперь пришёл к Рите за её корсетом – так ему полегче, но работать он не может. А ещё днём раньше наша новая сиделка Вера на работе у храма получила в лоб доской, пробитой гвоздями. Слава Богу, гвозди прошли мимо – не попало в глаз. А ещё один мой работник так повредил палец, что аж кожу сорвало. Думаю, всё это неспроста. Слава Богу, Рита цела – соблюдала технику безопасности. Видно, готовится к работе у тебя на стройке. Но на этом приключения не закончились: нашей Тане из дома сообщили, что её мама лежит в коме в реанимации, и Таня срочно уехала домой, в Молдавию. И так последний трудоспособный работник – Рита, теперь сидит около меня. Осталась

недоразобранной стенка пристройки к храму, на которой и застряла вся работа. Вокруг битый кирпич и прочий строительный мусор, который некому пока убирать.

Вот лежу и улыбаюсь дурной улыбкой с одной мыслью: «Как это я решилась на такую работу по восстановлению храма?», – только сейчас осознаю это.

Попросили мы батюшку, чтоб пришёл он совершить водосвятный молебен и освятил весь храм и ту половину, где мы начали бурную деятельность своими малыми силами. Даже с улицы пришли прихожане, чтобы помолиться, и принесли в жертву 1100 рублей.

И вдруг приходит письмо от Алексея с сообщением, что ты высылаешь нам деньги на восстановление храма. А чуть раньше я послала письмо в Тропарёво на кирпичный завод с рассказом о нашем храме и с просьбой помочь благотворительно кирпичом («помочь кирпичом» – звучит, да?!) без особой надежды даже на скидку в цене. А сегодня звонок по телефону с сообщением, что генеральный директор кирпичного завода Елена Валентиновна Павлюченко приняла решение выделить благотворительно 2000 реставрационного кирпича. Слава Богу, дело тронулось! Но проблемы первоначальных работ остаются. В прошлом году восстанавливать храм мне помогал Саша Лавров (он специалист в работах по церквям). В этом году он поднимает сразу три церкви в разных местах, и на наш храм у него физически нет времени. Тем не менее, он осмотрел стены и сказал, что карниз сделан из кирпича разных размеров и надо подсчитать, сколько какого нужно. Вот пока на этом я и застряла. Об остальном хочу поговорить с тобой по телефону.

Рита с Колей и с детьми-инвалидами 31 мая уезжают в санаторий г. Евпатория, Таня пока возвращается к нам, но что будет дальше, неизвестно: её мама в прежнем состоянии.

Я сейчас живу, как на вулкане: вот-вот взорвётся где-нибудь ещё. Но я знаю, что у меня всегда есть Господь на небе и ты на земле. И тем утешаюсь.

Люда.

*Ольге Самолевской,
г. Киев, Украина.
27 мая*

Оленька, дорогая!

В восторге от твоего фильма «Земляне»: и забавно, и радостно, и тревожно, и больно, и ужасно... Не знаю, правда, как относиться к факту присутствия человека в этом мире, от которого и гибнет эта прекрасная земля, ведь человек – главное существо, сотворённое

Богом, а его роль в твоём фильме ужасна, его действия — чудовищны, и получается, что нет ему права на существование, чтоб не погиб этот мир природы.

В последнее время я ловлю себя на том, что мои размышления о человеке (человечестве) носят характер отнюдь не оптимистичный, мне видится человек, погибающий сам и разрушающий всё вокруг. Я дивлюсь Божьему терпению в отношении нас, человеков, и в то же время взываю: неужели Господь не может что-то с нами совершить, чтобы мы вошли в разум из нашего безумия?! Мы пытаемся, пребывая в церкви, покаявшись в грехах, исправиться, но я вижу, по крайней мере по себе и по тем, кто рядом, что почти не удаётся изменить себя, и наша натура оказывается сильнее нашего понимания, каким надо быть.

В 18 лет мне было мучительно осознавать смерть как таковую, я долго болела «мировой скорбью», потом это прошло, и я обратилась к жизни, к делам, к поступкам, к преодолению своего уныния. Я рисовала, писала в газету, много общалась с людьми, раздавала добрые советы, чем могла, помогала людям, очень сильно всегда влюблялась платонически — мне важно было сблизиться душой с тем, кого я любила, о теле я думала только в мечтах. Было много горя и страданий от беспомощности физической, но и с этим я смирилась, как смирилась со смертью.

В последние годы, уже в лежачем положении, моя «деловая» жизнь стала ещё активнее, но той радости, которая была у меня от прежних моих проявлений, уже нет: я не чувствую больше смысла в своих деяниях, в своих напряжениях, в своей самоотдаче за счёт последних крох здоровья. Я ХОЧУ всё делать, что я делаю, но как будто делаю отстранённо, безучастно, как будто мне надо выполнить какую-то работу прежде, чем я уйду из земной жизни.

А работа моя по храму, его реставрации, находится в затруднительном положении: денег мало, работы больше, чем я предполагала, материалы страшно дороги, и поскольку гругом кризис, все на него ссылаются и денег не дают. Немножко помогают те, которые много лет поддерживают наших детей, на то пока и рассчитываем, а дальше — как Бог подаст, кого пошлёт.

Переименовали нашу организацию, и теперь она называется «Дело Общего Милосердия — дети-сироты и инвалиды». Регистрация отняла столько сил и денег, что врагу не пожелаешь проходить все эти круги оформления.

Надеюсь, что ты, наконец, получила мою бандероль с книгами ТиВи и другими, о которых я писала тебе в предыдущем письме и которое послала вместе с бандеролью, а копию отправила сейчас по электронке (27 мая примерно в 18 часов, ищи на экране). Ну, а следом шлю сейчас на электронку это письмо, которое и заканчиваю.

Пока всё. Будьте все здоровеньки.

Твоя Люсенька.

*Юрию Холопову,
г. Калуга.
10 июня*

Юра, привет!

Похоже, ты соскучился по моим письмам, не получив срочного ответа. А я тебя не забыла, просто сильно «затюкана» разными делами, которые вроде бы сама на себя не взваливала. Но ведь без Бога ничего не делается, значит, и дела эти кому-то нужны и мне самой. Только устала очень от обилия забот: хочу в отпуск, например на пляж Черноморского побережья, куда 1 июня уехали мои домашние в лице Коли и Риты с детьми-инвалидами. А мы тут с Танюшкой мучаемся и Веру мучаем, которая новенькая у нас. Даже повариха наша Люба уехала домой. Хорошо, хоть коты все дома, да брат Валера Король время от времени появляется на горизонте. Это как-то утешает – вроде бы семья в сборе.

Знаешь, все твои методики воспитания – это из плохой школы, ибо они искусственные. Всё настоящее рождается естественно, естественным общением друг с другом, желанием понять другого, а не «подсадить» ему свои собственные мысли. Не забывай, что тебе 50, а Наде 19. И почаще вспоминай свои 19 лет – ЧТО ты делал, КАК ты делал. К сожалению, и это приходит только со временем. Ещё лет пять назад я была уверена, что мои педагогические постулаты незыблемы, а теперь с трудом освобождаюсь от своих заблуждений, и это очень больно, потому что видишь свои ошибки, из-за которых иногда рушатся добрые отношения с близкими друзьями.

Мне кажется, что ты хоть и живёшь рядом со своей дочерью, но видишь Надю не как человека, а только как своего ребёнка. Она, по-моему, флегматик по темпераменту и ждуть от неё активной жизни бессмысленно. Она инфантильна – наверно, это результат вашей родительской опеки без соучастия в её жизни: много ли ты знаешь, о чём она думает, как относится к вам, родителям, какие у неё сексуальные склонности (ей же 19, многие в это время замуж выходят), что знаешь ты о её мечтаниях, которые в юности все скрывают. Не кажется ли тебе, что ты живёшь рядом не с Надей, а со своими ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ о ней, вот это «представление» ты и воспитываешь. Мне кажется, что с ребёнком надо жить, а не воспитывать его – в совместной жизни и происходит воспитание. Я вижу, что сегодняшние мамы-папы делают всё, чтобы освободить своё дитя от всякого напряжения, кроме учебы (ох, за учебу-то гоняют как!), и это прежде всего освобождение от домашнего труда.

Надины способности к рисованию – не Бог весть какие, и только при большом усердии и огромном желании рисовать они могли бы развиться (может быть).

Рисунок Р. Козьмина

Лет 10 назад ко мне пришла очень дальняя родственница со своим 11-летним сыном Романом. Мальчик притащил большую папку с огромным количеством рисунков и с необыкновенным азартом стал показывать мне всё подряд. Там была мешанина: и портреты, и пейзажи, и какие-то фантастические маски, сюжеты и что-то страшненькое. Ничего особенного в этих рисунках не было, кроме его великого желания всё время рисовать всё подряд. Он приезжал в Боровск из Москвы, жил у бабушки и перерисовал всё, что видел: деревья, забор, огород, дом, петухов с курами, лавочку с бабами на ней. Никакого художника ещё не было видно, но что он станет им, можно было не сомневаться. Весной этого года Роман закончил Суриковский институт с золотой медалью, его работы постоянно в выставочных залах института, даже в армию его сейчас берут в качестве художника (не будет пузом ползать по земле). Вот такой напор изнутри.

Поэтому, когда ты пишешь, что «Надюшка хочет освоить портрет» и «я одобряю это», важно, чего ОНА хочет. Прости за откровенность, но зачем тогда общаться, если лицемерить. Боюсь, что ты уже прозевал тот момент, когда ребёнок бывает откровенен с кем-то из своих родителей (или с обоими). Надя наверняка видит все твои попытки её воспитывать, а не дружить с ней. Она и заболела-то не просто так, а чтобы своим стрессом привлечь к себе внимание, чтобы избавиться от одиночества, в которое часто попадают дети занятых родителей.

Всё, о чём здесь сказано, относится и к книгам. Разве можно кого-нибудь «заставить», «склонить» читать книги, особенно духовные. Ты пишешь, что прочитал половину моей книги. А нельзя ли было читать рядом с Надей и время от времени замечать: «Как верно напи-

сано! Какая мысль! Надь, послушай!...» Или: «Надь, смотри, что пишут! А ты как думаешь?» Или ещё что-то в этом роде. Одна моя подруга, которая хотела, чтобы её сын хотя бы заинтересовался Библией (мальчику было 14 лет), положила на виду Библию и строгим голосом сказала, чтоб ни в коем случае не трогал, а потом и вовсе стала её прятать, но так, чтобы он её всякий раз находил. Конечно, это только игра, но игра сродни жизни. А интерес к духовным книгам приходит (или не приходит) в свой час.

Коварный вопрос: а ты в свои 19 читал духовные книги? Наше духовное движение только-только чуть-чуть просыпается в нашем возрасте, а мы хотим, чтобы дети наши уже теперь были набожными. Ты ведь знаешь, что вера из книг не вычитывается, что это дар Божий, и молодому сердцу сейчас ближе плотский мир и земные наслаждения — всё хочется попробовать, всё узнать. Твоя дочка хандрит потому, что ты, наверное, ничего не даёшь ей узнавать. Конечно, я не имею в виду этот похабный мир, но ведь в нём много и интересного. А какие интересы у Нади, кроме рисования?

На этом мои педагогические сентенции заканчиваются (что-то я давно не философствовала). Дай Бог тебе вразумления. Найди икону Богородицы «Прибавление ума» и молись.

Людмила.

*Лена Кузнецова,
г. Шахты.
7 июля*

Дорогая Леночка!

Здоровья тебе выдержать всё, что происходит с тобой в последнее время, а радости тебе не занимать — ты сама во всём её находишь. Я тоже пытаюсь видеть жизнь в розовом цвете, да что-то не очень розовеет, хотя я всегда проповедовала всем: каков ты сам — таков и мир. Наверное, я становлюсь всё старше и всё сердитее — таким скорбным мне видится мир и всё непоправимее — сам человек. Ну да не буду портить тебе настроение — не хочу, чтобы ты видела мир таким, каким вижу его я. Я никому не рассказываю о своем видении, только на исповеди батюшке. Сказано у святых отцов: «Чисто око не зрит лукавого», а я зрю, и это — боль, беда и грех.

Тем не менее за два прошедших года я впервые спустилась со своего третьего этажа на землю, и произошло это 28 июня — тем этот день и знаменит. На улице было жарко, но временами дул холодный порывистый ветер. Вот тут-то мне и пригодились твои подарки: шерстяной платок и бирюзовый свитерочек. Накрылась всем этим и все вре-

Икона «Прибавление ума»

мя вспоминала тебя. А сегодня получили твою посылку, раздали всем подарки, разложили содержимое на две кучки — одну внучке ТиВи, другую в приют «Отрада» (просили помолиться о тебе), но пока никому не отдали ещё. Ждём следующую посылку.

Сегодня с трудом вспоминали, когда у тебя день рождения. Помним, что было жарко, что ты отплясывала на балконе в соседней квартире, но число так никто и не запомнил. Ещё вспомнили, что в качестве подарка я отправила тебя в Киев, но руководитель Алла Морозова не помнит, какого числа это было. А я подозреваю, что твой день рождения в середине июля. В общем, мы уже начинаем тебя поздравлять, поздравлять будем не одноразово, если ты сообщишь об истинном дне, а заодно и о том, какой подарок хочешь получить.

Все мои дружки-подружки шлют тебе привет, а также четвероногие.

Ну, а я вся в работе на храме, и в голове одни пиломатериалы, кирпичи, цемент, известь и как все работы организовать.

Рита с Колей вернулись из санатория Евпатории, а на днях уезжает Таня. Не люблю лето, потому что все разъезжаются, люблю осень, когда все слетаются в дом. Ну ладно, потерпим!

На этом я заканчиваю своё послание. Жди следующего. Будь здоровенька, и пусть тебе светит!

Твоя Люсенька.

*Татьяна Косяк,
с. Златополь, Украина.
11 июля*

Дорогая моя Танечка!

Поздравляю тебя с очередным днём рождения, хотя, чем старше становимся, тем печальнее этот день. Но тебя это ещё не касается — мне бы твои годы! Ух, я бы развернулась! А теперь... Э-хе-хе!

В день рождения принято желать чего-то эдакого и чаще всего несбыточного, но я хочу пожелать тебе того, что вполне вероятно, — чтобы устроилась твоя жизнь бытовая, чтоб не обворовывали тебя соседи, чтоб не покидали друзья и чтобы по Интернету ты познакомилась с хорошим человеком по имени Ваня (или Вася, Петя, Саша), а потом и встретились с ним, и было бы вам вместе хорошо. Говорят, что у вас проливные дожди, а у нас смертельная засуха. Вчера полил дождь, так мы все были счастливы, на улице народ веселился прямо под дождём — наверное, были пьяные.

А у меня теперь 28 июня — праздник выхода в свет (впервые за два последних года). Я уже перестала верить, что ещё что-то могу: не

свалиться с носилок, когда спускают с третьего этажа, трястись в машине по нашим колдобинам, лежать у речки то на солнце, то на ветру и живой вернуться домой. Но это так тяжело стало, что уже не хочется никаких прогулок, а дома тоже надоело. Ещё как! — сказала Рита, которая мучается вместе со мной на третьем этаже «в затворе» на целый месяц, поскольку вторая сиделка Таня уехала в отпуск, и мы с Ритой ищем в квартире пятый угол. Рита находит пятый угол на балконе в соседней квартире, ну а я всё лежу, в потолок всё гляжу.

В телевизор смотреть надоело, и если бы не моя работа с детьми и по реставрации храма, я уже умерла бы с тоски. А работы, слава Богу, хватает. Реставрация второй половины храма идет труднее, чем первой. Если в прошлом году спонсоры давали бесплатно материалы, то в этом году почти никто ничего не даёт за «так». А уж денег — тем более. В общем, собираем по копейкам, на них и строим.

Прости, что редко пишу, но это не значит, что я равнодушна к тебе и не хочу знать, как тебе живется. Ты пиши обязательно, как в прежние времена, когда я тебе писала редко-редко, а ты всё равно часто-часто-часто. А если есть какие-то проблемы, в которых я могу помочь, не стесняйся, рассказывай.

Пусть твоя рассудительность в делах житейских не оставляет тебя никогда. Нам, таким, как мы, жить только эмоциями нельзя, именно рассудительность помогает нам преодолевать трудности нашей жизни.

Да поможет тебе Господь!

Л.Г.

*Зое Беловой-Ремизовой,
с. Калинкино, Кемеровская обл.
11 июля*

Здравствуй, моя дорогая Белова-Ремизова!

Давненько то было, когда пришло твоё последнее письмо. За это время столько всего произошло, что теперь трудно и вспомнить, поэтому если я буду непоследовательна, то уж не обессудь.

Сначала хотелось бы пройтись немного по твоему письму. Тема церкви, батюшек и всего остального, что связано с церковной жизнью, очень часто в отзывах людей звучит именно так, как пишешь ты. Это идёт от непонимания, кто такой священник, каким он должен быть и что с нами должно происходить, когда мы посещаем церковь. Если бы мы, а все мы — люди грешные, приходили в церковь, а там служил бы священником Ангел, то вряд ли чувствовали бы себя хорошо, ибо рядом с ангельской чистотой наше грязное «я» особенно

остро увиделось бы и ужаснуло бы нас. Потому и служит в церкви такой же человек, как мы, со своими слабостями. Но приходим мы не к нему, а к Богу, который присутствует незримо в церкви, а священник исполняет Божью волю как посредник, мы же своим присутствием показываем Богу, что мы с ним, и факт причастия, исповеди, свидетельствует об этом. Конечно, дух дышит, где хочет, и молиться можно и на пеньке, и в шкафу, когда рядом нет церкви, когда живёшь в лесу, на острове и т.д.

А человеку лучше смотреть не на батюшкин автомобиль, а в собственную душу. В христианстве есть такое понятие – невидимая брань. Это значит не с соседом надо браниться, а с самим собой, ибо внутри нас – Божье и демонское, а наше сердце либо откликается богоугодными поступками, либо идёт на поводу у демона. Последнее особенно часто среди людей, но каждому человеку, если совесть мучает его от собственного поведения, дано идти в церковь, то есть к Богу, и сказать своё «прости» и «спаси».

Мудрость христианская трудно постигается через книги, сколько их ни читай, нужен опыт воцерковления, чтобы постигать, чего от нас хочет Бог. Ну вот чуть-чуть о главном.

Теперь о второстепенном. О том, что каждодневно по кругу и всё глубже и глубже в неведомое. Я вошла в рабочую ситуацию по храму: с трудом завезли материалы. В этом году, в отличие от прошлого года, даром никто ничего не даёт за редким исключением, лишь совсем немного - кризис. Наша работа сопровождается всякими искушениями, словно нас хотят прогнать с этого дела. Всем в прямом и переносном смысле попало в лоб.

Удалось собрать деньги, чтобы отправить детей и взрослых в санатории. Одна группа уже возвратилась. В ней был и Коля – я надеялась помочь его спине. Вторая группа едет в июле, и третья – в августе.

Жара стоит несусветная, и если бы не кондиционер, то лежать было бы совсем невыносимо.

В твою жизнь люди всё прибывают, а из моей всё убывают: подружки моего возраста стали неподъёмными, и из других городов им приехать ко мне, не имея машины, стало тяжело. Те, кто помоложе, предпочитают проводить время в иных местах и с другими. А с некоторыми у меня – расхождение во взглядах на жизнь, которые увели этих людей в другую сторону. Так я становлюсь всё более одинока, как в былые юные времена. Трудно объяснить чем-либо иным это положение, кроме как необходимостью, а в чём она, пока не понимаю.

Теперь 28 июня – день, знаменитый тем, что за два последние года я, наконец, выбралась на природу, после чего две ночи спала, не замечая собственного копчика, который жить спокойно не даёт. Все пришли к выводу, что меня надо почаще спускать с лестницы, да вот беда – носить с третьего этажа некому: из мужиков Коля – раз... А

два — уже и нету, остальные — женщины, и я всегда боюсь за их женское здоровье, когда они пытаются меня выносить на улицу. Конечно, если вспомнить войну, когда бабы работали за лошадой, может, оно и ничего, да теперь бабы не те, хотя теперь они если не за лошадой, так за мужиков, которые выродились почти совсем.

Вот пока и все мои дела. О душе говорить не хочется — в ней всё чаще появляется тоска от неустроенности жизни личной и всеобщей, хотя я понимаю, что бывает и хуже. Всем, кто знает меня, привет, и дай Бог вам всем здоровья.

Людмила.

*Ольге Самолевской,
г. Киев, Украина.
12 июля*

Милая моя Оленька!

Бровки твои ласточкины, носик твой длинненький, глазочек твой ласковый и песенки твои сладкие, кадрик ты наш волшебный, фильмяшечка прекрасная, да будет песня твоя кинематографическая бесконечна, и денежки под неё пусть плывут, и фильмы не задерживают, пропускают повсюду, и в карманах чтоб было не пусто.

Очень мне хочется, чтоб всё было так светло, благодатно, радостно и надёжно, как ты пишешь. Почти так и было до сих пор, пока не случилось это падение, которое повлекло за собой многое другое. А началось всё с трагедии, случившейся с нашим духовником отцом Олегом: он на машине сбил ребёнка насмерть при странных обстоятельствах. Мальчик выскочил из маршрутки, стоящей на остановке, прямо к нему на капот — перелом основания черепа. Милиция признала водителя невиновным, но по церковному уставу даже нечаянное убийство лишает священника сана, что и случилось с нашим о. Олегом. Как известно, без Бога ничего не бывает, и до сих пор никто не понял, почему так случилось, можем лишь только предполагать.

Несколько лет после того несчастья Олег работал по мирской профессии, а потом вошёл в некую церковь, которая является раскольничьей. До того он часто выступал в газете с критическими статьями в адрес церковной власти, вероятно, нашел близких ему людей из числа священства, думающих, как он. Он давно дружит с о. Михаилом из г. Николаева и, может быть, это связано с украинским движением против Московской Патриархии. Он сделал домашнюю церковь, в которой и служит теперь, не за Патриарха, а за некоего Митрополита Виталия, который и возглавляет это движение.

Наша официальная церковь никого не благословляет к нему ходить, вот я и не пошла. Звонила в монастырь монаху о. Марку, который тоже не благословил и объяснил — почему. Коля, на Рождество отправился к Олегу, но я противостояла, и настоятель нашего храма о. Дмитрий, в последние годы окормлявший нас с Колей, не благословил его. После этого Коля начал «сыпаться», поскольку все годы его стояния в церкви были тесно связаны с о. Олегом, который держал его в ежовых рукавицах, браня за пьянки и прочее отклонение от христианской жизни, — тем Коля и держался. Теперь вожжей нет, и «коня» понесло: сначала женщина на стороне, потом упивание, которое всё крепчает.

Вот так душевные связи разрушаются, благодать уходит из дома. И как тут не скорбеть?! И всё это сопровождается бесконечными заботами, ухудшающимся здоровьем и терпением всяких болячек. К тому же есть большая разница в терпении всяких передраг, когда ты молод, зрел, но когда ты стареешь и у тебя нет будущего, то всё переносится иначе.

Я понимаю, что это — время испытаний, проверка, какие мы есть на самом деле, а не в притворстве хорошими, гладкими, но осознание этого не очень-то облегчает положение, ведь жить приходится каждый день и каждую минуту.

Что касается моих дел, то мы прошли все ужасы перерегистрации и называемся теперь «Дело Общего Милосердия — дети-сироты и инвалиды».

В местной газете была статья про наш храм и про то, как мы его поднимаем. Люди жертвуют в ящик на храме кто, сколько может, и с января получилось около 40 тысяч. И то слава Богу! А если исходить из реалий, то суммы, необходимые на сейчас: 300 тысяч — кирпич на колокольню, 64 тысячи — пиломатериалы на крышу, 57 тысяч — на кровельный материал, не считая извёстки, цемента и краски. Спасибо моему другу Александру Романычу — президенту строительной компании, который в это кризисное время обеспечил меня рабочими руками и оплатой этих рабочих, которых мне надо ещё кормить.

Идея скита погибла на корню, так как матушка её не очень приветствовала, но она с радостью готова принять меня в монастыре. Она не предполагает, что такое моя физическая жизнь, которая выматывает всех насельниц, кто будет ухаживать за мной, поскольку немелые руки, будь их хоть 10 пар, не смогут помочь рассыпающемуся телу, как это может один человек, умеющий собрать его (тело) в горсточку.

Что касается Интернета, то теперь в каждом монастыре по несколько компьютеров, естественно, с Интернетом — таков теперь мир, в пещерах теперь не живут монахи, разве что совсем отшельники.

Спасибо тебе, Оленька, за все добрые слова в мой адрес, только я

как-то отупела к произносимым словам, если они не несут в себе делового содержания.

Ты писала бы мне, когда у тебя какие-то проблемы, в которых я могу хоть слабо, но помогать не словами — делом.

Всем, кто знает меня — привет.

Твоя Люсенька.

*Татьяне Косяк,
с. Златополь, Украина.
24 июля*

Танюшка, привет!

Удивительно, как меняется человек в изменившихся обстоятельствах. Ты, действительно, в своем внешнем проявлении стала другой, хотя и прежде была девушкой рассудительной и рациональной. По себе вижу, что мои обстоятельства меня тоже меняют, и мои взгляды стали более сокрушёнными и менее возвышенными. Мне кажется, что сейчас я не нарисовала бы те свои картины, которые хоть и являются как бы мечтой о другой жизни, но всё же в основе их был мой романтично-реальный взгляд, и свидетельствовал он о наличии в жизни того, что я рисовала.

Сейчас жизнь человеческая на земле всё больше видится мне больной и несчастной в своей тупости, зависти, злобе и прочей порочности. Я очень сожалею, что мой взгляд так «перекосило» в трагическую сторону, ведь я вижу и другие проявления человеческой сущности, хотя бы ту же помощь нашим детям в детдомах, и мне лично, и помощь в возведении храма. Но почему-то эти добродейства не перевешивают всей той боли и грусти, которые открылись мне в человеческой жизни.

О себе я прежде тоже думала лучше и была такой, какой я есть: сочувствующей людям в горе, помогавшей им, как могла, выслушивающей все их проблемы. Теперь я продолжаю помогать и гораздо больше, чем прежде, но словно защищаюсь от чужих бед, сердцем к ним не припадаю — боюсь, сердце разорвётся. И плакать больше не могу ни за себя, ни за других — нет слёз, наверное, все выплакала. Теперь очень стараюсь следить за собой, чтобы не возбуждать в себе отрицательных эмоций, ибо сразу поднимается давление и становится плохо не только мне, но и тем, кто носит моё тело и мои болезни.

А у меня две сиделки: седьмой год со мной Рита из Молдавии, и пятый год пошёл, как со мной Таня, тоже из Молдавии. Все попытки найти полноценную замену, когда кто-то из двоих уезжает в отпуск,

не имеют успеха: никто не умеет взять меня на руки, уложить тело на кровати, чтоб оно могло хоть как-то работать руками — самой поесть или хоть нос почистить. Всё стало очень сложно со мной, потому и оплата таким работникам должна быть достойная.

На сегодня каждой сиделке я плачу 25 000 рублей, а ещё у меня повариха, которая всех кормит и получает 16 000. А ещё нужны деньги на оплату двух моих квартир, а льготы на них сняли и дают смешную субсидию. Страшно дорого стоит газовое отопление, без которого мне не выжить. Вторую квартиру (18 метров) мне подарили много лет назад спонсоры, чтобы в ней могли отдыхать мои помощники. В ней установили газовый счетчик, и летом это помогает, а зимой за газ всё та же сумма, что и в моей основной квартире — 1 600 рублей. Да и электричество — 700 рублей, да и за обе квартиры около 2 000. А пенсия базовая 5 000 рублей, а с отказом от медицинского пакета и с оплатой по уходу набегает где-то около 9 000 рублей. А ещё мне надо всех кормить, стирать, мыть, и получается, что нужно ещё 20 000 на месяц.

Вот все последние годы и живу в напряжении, чтоб меня не покинули благодетели, особенно тот один, который оплачивает сиделок.

Кризис подорвал многих, кто помогал и детям, и мне. А мои письма, которые я писала в 2007 году Президенту Путину, а позднее — Медведеву, не возымели действия до сих пор. Много лет я переписывалась с людьми, от которых слышала: «Что я буду делать, когда умрёт мама?» Вот это и было темой моих писем в Правительство с предложением организовать федеральный фонд по оплате сиделок для тяжёлых одиноких инвалидов, неспособных жить в интернате, требующих индивидуального ухода. Все ответы были пересланы в Министерство здравоохранения, а оттуда были получены казённые ответы, ничего не решающие.

И пошла я сама собирать деньги для тех сорокалетних девчонок, которые попали в беду одиночества и беспомощности. В прошлом году мне повезло собрать около 300 000 рублей, и стала я по 10 000 посылать моим бедствующим «коллегам-калекам». В этом году денег никто не даёт, и я с ужасом думаю, что буду делать дальше: помирать — не помираем и не выздоравливаем. Опять написала письмо, но только уже своему губернатору, которое было передано с рук на руки. И вот сейчас решается вопрос на уровне социального министерства, как, хотя бы в нашей области, организовать помощь инвалидам для оплаты сиделок. И пока речь идёт только о Боровском районе. Хотелось бы, чтобы наш губернатор Артамонов вынес эту проблему в Кремле, на совете, членом которого является. Если это случится, то, может быть, когда-нибудь кому-нибудь из инвалидов не будет жить так тяжело в заботе о постоянном поиске денег на жизнь.

Теперь о тебе. У меня есть возможность прислать тебе хотя бы 5 000 рублей на ремонт сантехники в городской квартире, если ты мне подскажешь, на какой счет послать их, то я это сделаю в ближайшие

дни. Эти деньги будут из того фонда, о котором я тебе только что рассказала. Помощь единовременная и на конкретное дело.

У нас тоже есть Скайп, ты можешь нам позвонить, и если я буду рядом с компьютером, то мы можем с тобой подольше пообщаться.

Что касается родственников, то мои все разбежались, когда умерли родители, кроме двух тёток — со стороны отца и со стороны матери. Но они за мной ухаживать не могли, только присутствовали в моей жизни. И обе очень обиделись на меня, когда я вышла замуж, не оповестив их и не пригласив на свадьбу. А я побоялась их советов и уговоров, которыми так раздражают тебя твои родные, поэтому устранилась, хотя теперь понимаю, что это было нехорошо — самонадеянно и горделиво.

И теперь со мной рядом все чужие. Такова жизнь. Слава Богу, что ты всё-таки сама передвигаешься и можешь себя обслужить. Не хочется рассказывать о том, как тяжела жизнь в полной беспомощности. Не хочу давать тебе советов, но думаю, с окружающими людьми приходится быть мягче и терпимее к их недостаткам, потому что не знаем, до чего доведёт нас наша болезнь. И может статься, что придётся поклониться первому, кто будет рядом.

Ну вот, пока и всё. И пусть продлятся твои дни в том здравии, в котором ты находишься сейчас. Нам уже нечего у Бога просить, кроме терпения на земле и прощения на том свете. Обнимаю.

Л.Г.

*Ольге Самолевской,
г. Киев, Украина.
25 июля*

Дорогая моя Олечка!

Спасибо тебе за все усилия и время, которые ты даришь мне в виде литературных опусов, фотографий, рисунков своих и чужих. К сожалению, моя жизнь свелась к совсем узкой щёлочке, в которую я могу смотреть на мир. Это касается и Интернета. Компьютер, который стоит у меня за головой, только раздражает меня своим гулом, когда я вынуждена лежать рядом с ним. Всё, что приходит по почте, распечатывают мне девочки на принтере, а все твои ссылки я могу посмотреть только через маленькое зеркало и ничего не увидеть.

Честно сказать, я так занята организационной суетой, связанной сейчас с реставрацией храма, и постоянными делами по работе с детскими домами, отправкой детей по путёвкам на море, какими-то отдельными судьбами людей, требующими срочного вмешательства и

помощи, что мне некогда что-то читать, смотреть, слушать – только мимоходом, ни во что не погружаясь.

Моя память переполнена, как тот компьютер, который требует очистки диска, поэтому я стараюсь не загружаться ненужной мне в жизни информацией, а то глючит. Тот «кусочек» жизни, который у меня ещё есть, я не могу потратить на романтические восторги по поводу рисунка, песни, музыки. Ах, если бы впереди было ещё хотя бы полжизни человеческой! Я бы так не торопилась успеть сделать что-то доброе и полезное! Хотя это было бы неправильно. Может, поэтому я и живу на краю, как в песне Высоцкого: «постою на краю».

Воспоминания

Милая моя подружка многолетней давности! С годами всем нам становится грустно, что жизнь складывается не так, как хотелось бы. Всем нам хочется, чтобы дети были такими, как на картине неизвестного мне художника, на которой изображена семья умирающего отца, лежащего в постели, а вокруг него – куча его детей и внуков, и каждый обихаживает его с сочувствием и состраданием. Не знаю, есть ли такая семья в жизни или это мечта художника.

В соседнем городе есть в больнице отделение сестринского ухода, куда привозят в основном старушек, редко – инвалидов, которым некуда деться, которые не могут сами за собой ухаживать, у кого в доме провалилась крыша или полы, а детей и вовсе нет (или дети их бросили). Мы иногда бываем там от нашей организации, дарим им гостинцы в виде всяких вкусностей и привозим детей из воскресной школы, которые поют им духовные песни. Бабушки и радуются, и плачут, и поют вместе с детьми (кто ещё может петь), а самое интересное для меня, что дети тоже плачут (не все, конечно).

Есть у нас благодетель Алла Фёдоровна Семёнова, которая именно на бабушек даёт деньги, и бывает это на Рождество и на Пасху. В этом году мы сэкономили деньги и съездили к ним ещё и на праздник Петра и Павла. Дети все в лагерях, петь некому, и бабушки расстраиваются, что им не привезли «артистов». Несколько лет назад я рассказала об этом отделении матушке из монастыря г. Малоярославца, и она благословила ездить туда послушниц, которые стали бабушек обихаживать – мыть их прямо на постели, помогать с туалетом. И когда послушницы заезжали оттуда ко мне, от них пахло мочой – такой стойкий запах в этом отделении, что пропитывались их одежды. И, конечно, они рассказывали мне об этих бедных людях.

Олечка, в жизни так много всего и всякого, к чему должно прикасаться человеческое сердце и по возможности помогать реально или сочувствовать мысленно, что мне жаль думать, сколько сердечной энергии людей уходит в книжные, киношные и прочие «страдания». Конечно, искусство тоже из жизни, и оно воспитывает наше сердце и мысли, вызывая отклик души, но так много рядом причин

для соучастия в чьей-то реальной судьбе, что жалко тратить силы на искусственное воплощение.

Последнее событие, которое меня потрясло своим мистическим содержанием. В попытке приобрести пиломатериалы для реставрации храма я обратилась, как и в прежние годы, к людям, содержащим пиломатериалы. Один из них, Максим, молодой, деловой, горячий, скороговоркой прокричал мне, что даст два куба бесплатно после того, как я напишу про него и дам его фотографию в местную газету. Я сказала, что заранее, до совершения поступка, в газету материал не примут и что мы приедем за досками и сфотографируем его с доской в руках.

В день, когда мы приехали, его не было, а его отец накричал на нас, что он принадлежит другой церкви и на православную ничего не хочет давать. На следующий день мы узнали, что Максим утонул в речке. Через два дня в местной газете напечатали некролог с фотографией Максима. В нашей газете практически не бывает некрологов с фотографией, очень редко. Прошло какое-то время, и отец Максима дал нам пиломатериал, правда, не бесплатно, но по сниженной цене. А я теперь иногда молюсь за Максима, чтоб Господь простил его. Если в книге такое напишут, то никто не поверит, подумают, что вымышленная история.

Ну ладно, что бы я ни говорила, это не значит, что я только скулю и унываю. Я соучаствую с миром, как и прежде, только мне кажется, что сейчас я не нарисовала бы своих возвышенных картин. И слава Богу, что всё случилось, как случилось!

Целую.

Твоя Люсенька.

*Тамаре Горобченко,
г. Минск, Беларусь.
25 сентября*

Дорогая Томочка!

Вот и ушёл из жизни ещё один близкий наш дружок – Нина Добрикова: сегодня её кремируют. В последнее время мы с ней общались чаще, чем прежде, и было ясно, что это – последние дни. Я звонила в монастырь, рассказала о её духовных воззрениях (не знала, можно ли о ней подавать сорокоуст). Матушка сказала, что раз она крещёная, нужно о ней молиться, и что в монастыре весь год о ней будут читать псалтирь. Сорокоуст будут служить в другом монастыре по моей просьбе. А Саша, её муж, сказал, что перед кремацией будут отпевать по православному обряду. А кремация по воле Нины. Моя душа противится такому захоронению, и моя воля будет другой.

В последнее время стало грустно собираться за столом по поводу праздников — всё меньше за ним друзей, всё меньше стульев и посуды, и песен не поётся, и веселиться не очень хочется. Да и говорить я всё меньше могу — голос подсел, даже поругаться никак.

Испытания продолжают на нас идти: Коля ослеп, поначалу не видел совсем, потом зрение немного восстановилось в той степени, в какой он сам может передвигаться, делать какую-то несложную работу, типа чистить грибы и даже с группой ходил за грибами, но не может теперь водить машину, работать за компьютером, читать, только с лупой решать кроссворды. В общем, мне он — не помощник в работе. Я считаю это расплатой за то неуёмное пьянство, в котором он находился последнее время. Только эта расплата коснулась опять и меня, ведь надо его обследовать, выяснять причину и как лечить дальше. Всё это требует ещё и дополнительных денег, а они утекают, как вода, а у моего благодетеля Саши Меламуда, который спонсирует сиделок и нашу жизнь — тоже финансовые трудности.

В общем, приходится справляться ещё и с тем, чтобы не заунывать, а это значит, что надо ко всему относиться философски. Правда, в последнее время моя «философия» всё больше сводится к одному утешению: когда-нибудь всё это кончится, слава Богу. Но о запредельной жизни я думаю опять своими суетными мыслями: как без меня будет Коля, ещё и полуслепой. Вот такая я Марфа — всю жизнь страдаю духовным «марфинизмом».

Надеюсь, всё-таки, что я не нагнала на тебя тоску и скуку. В жизни я чуть-чуть повеселей, и никто не видит меня плачущей, скулящей, и я всегда с улыбкой встречаю людей, и улыбка эта не притворная вроде голливудской. А тебе вот в жилетку плачу. Уж потерпи! В Евангелии сказано: «Друг друга тяготы носите и так исполните закон Христов».

Ну вот, пока и всё. Дай Бог нам всем сил дожить эту жизнь, не унывая, умея радоваться!

Людмила.

*Александру Меламуду,
г. Москва.
26 сентября*

Друг, товарищ и брат Саша!

Так давно не писала тебе «отчетов» по нашему совместному делу, что, наверное, ты думаешь, что я тебя покинула. Это совсем не так, а просто я изнемогла.

Последние годы своего жития-лежания я заметила, что характер сильно портится от постоянного физического изнеможения, от боли,

передвигающейся по телу из одного места в другое, от напряжения просто жить-быть, от невозможности уйти от ежедневных забот и односторонности телонахождения — психика дуреет от этого.

29 сентября — мой день Ангела, и обычно в этот день, как и в день рождения, собирались друзья, и все радовались этому поводу. В последние годы стало грустно встречаться за столом в праздничные дни — поредели ряды: иных уж нет, а те далече. На днях ушла из жизни моя близкая, многолетняя подруга Нина Добрикова, талантливая актриса, соучастница моих самых трудных дней после ухода из жизни родителей. О Валере Прокошине ты знаешь — его отсутствие очень чувствуется. А два года назад в автомобильной катастрофе погибла Таня Бабушкина. В этом году мы собирались отмечать 30-летие нашей встречи. Вот и получается, как в стихотворении М. Алигер, в котором она скорбела, что ей пришлось долго жить, тогда как друзья и родные ушли в мир иной, и ей одиноко бродить по пустому городу. Конечно, в жизни появляются новые люди, к которым привыкаешь, но это что-то другое. И вот я пришла к выводу, что старость — это не только возраст, а ещё вот это одиночество без людей, с которыми вместе жил долгие годы.

Испытания наши продолжаются: Коля почти ослеп, сначала не видел совсем, потом зрение немного улучшилось. Я думала, он будет унывать от безделья, в которое попал по обстоятельствам болезни, но он довольно быстро адаптировался и начал восстанавливать своё прежнее умение плести корзиночки, не такие красивые, как прежде, в упрощённом варианте, но всё же. Так он пытался укрепить себя в деле и что-то заработать, продавая эти корзиночки, которые, к сожалению, не очень-то покупают.

Но, конечно, не всё так безрадостно, как тут пишется. Предмет моих положительных эмоций — колокольня, которая выросла за лето (посылаю фото).

Остался завершающий этап, но чем выше к Небу, тем труднее работа и больше испытаний. Деньги заканчиваются, а расход их увеличивается: накрыть трапезную пластизолом стоит 100 тысяч, а купол и крест (изготовление и монтаж) — 280 тысяч. Это мои последние деньги из прошлых накоплений.

Ещё раз и всегда благодарна тебе я и все, кто участвует и является свидетелем нашего общего дела, за помощь и соучастие.

27 сентября праздник Крестовоздвижения, который появился в честь события происшедшего много лет назад. В честь этого праздника освящен наш храм и отец Дмитрий будет служить водосвятный молебен. Я тебя поздравляю и желаю тебе терпеливо нести тот крест, который послал тебе Бог в моём лице.

Но как бы там ни было, основное дело сделано. Значит, придёт следующая работа — штукатурка. Есть ли у тебя возможность помочь штукатурками?

Вот такое лично-деловое письмо получилось.

Люда.

*Оксане Ламоновой,
г. Киев, Украина.
26 сентября*

Дорогая Оксана, здравствуй!

Удивляюсь твоему терпению ожидать мои письма, которых я не шлю. Получаю все твои «отчеты» о поездках-путешествиях и связанные с ними мысли и эмоции. В отличие от тебя у меня, в основном, одни эмоции и чаще всего негативные, поскольку обстоятельства так стянуты, что я перестала спать ночами, переживая неудачи и обдумывая будущие организационные вопросы с учётом ошибок. Предмет моих эмоций посылаю тебе в виде фотоизображения — так выросла наша колокольня. Остался завершающий этап, но деньги заканчиваются, а расход их увеличивается.

Как бы там ни было, основное дело сделано, и только теперь я поняла, что не заметила, когда сошла с ума, взявшись за такую глобальную работу. Если бы не мой давний друг, помогающий финансами и рабочей силой, то конечно, эта задача была бы для меня неподъёмной, и как я в неё ринулась, сама не знаю. Обычно мне свойственно заранее всё продумать, прежде чем что-то начинать, да видно Божье дело не продумаешь.

Получила твои украинские книжки. Благодарю. Рита прочитала текст обо мне — она знает украинский. Жаль, что рядом с текстом обо мне — работы других художников: это нонсенс. Для меня это, конечно, не имеет значения, но читатели были лишены возможности увидеть хотя бы один мой рисунок.

Я в это лето аж два раза побывала на природе — для меня это событие. В жару все сидели дома под кондиционером, поскольку все берега речки были забиты человеческими телами и автомобилями, да и ехать в нагретой машине куда-то далеко равносильно вариться в горячей кастрюльке (я ведь лежу на носилках).

Среди немногочисленных радостей, которые всё же бывают в моей жизни, только они не такие острые, как беды, есть радость ещё чувствовать и любить хорошее слово, в чём бы оно ни сказывалось: в речи, в прозе, в поэзии. Так я радуюсь и твоим стихам, непредсказуемости слов (иногда читаешь чей-то стишок и заранее знаешь рифму и мысль — и это скучно), рифмам, мыслям и подтексту содержания. И во всем — аристократическая изысканность, свойственная именно тебе.

Ну вот, пока и всё, дорогая.

Дай Бог тебе сил на новый учебный год с твоими детишками в Детской Художественной Академии — у тебя такая добрая работа: развивать в детях не просто интерес к искусству, а чувство красоты, гармонии и по сути смысла и содержания жизни, ведь искусство — зеркало жизни.

Л.Г.

*Станиславу Рыжову,
г. Магадан.
2 октября*

Привет, дорогой друг, товарищ и брат многолетней давности!

И чем дальше идёт время, тем всё дороже и дороже каждый друг, с кем живёшь почти всю свою жизнь.

По-прежнему открыт вопрос, связанный с выездом нашего склада в другое помещение: помещений нет. Сами пошли бродить по Боровску и рядом с храмом нашли заброшенное здание, поросшее травой, очень подходящее для нас, нашего склада, но это частное владение, выставленное на продажу, и стоит около одного миллиона. Как там у вас с миллионами и миллионерами?

У нас в городе – стройка века: станция обезжелезивания, на которую брошены все бюджетные финансы, и я не успеваю открыть рот, как мне отвечают: денег нет и не будет. Вот и пришлось писать губернатору с последней безнадёжной надеждой. Есть ещё идея обратиться к Владыке Клименту, рассказав ему всю ситуацию, связанную с передачей храма Епархии и с отсутствием помещения, но пока сильно раздумываю, надо ли к нему обращаться.

Жизнь моя становится всё менее устойчивой и в смысле здоровья, и в смысле надёжности помощи, идущей со стороны.

Все эти тревоги хоть и досаждают, но без них мне было бы скучно жить, да и нечем заняться: глаза стали плохо видеть (врач говорит, что началось отслоение сетчатки), и читать совсем не могу, даже молитвы – с трудом, а очки не помогают.

В общем, жизнь всё более ограничивается в своём пространстве и затягивается. Совсем недавно мне казалось, что я ВСЁ могу.

У финансового помощника нашего дома и семьи Саши Меламуда тоже не очень весёлые дела, а мы все в этом доме висим на нём. Дорожание жизни заметно сказывается на всём, в том числе на помощи нашим детям.

Вот такое занудное письмецо получилось. Раньше я тебе писала по-веселее и позадорнее — молодая была, глупая.

Пока и всё. Если ты меня раззадоришь своим ответом, то, может быть, я ещё буду способна продолжить своё эпистолярное общение с тобой. Все мои домочадцы шлют тебе свои приветы, а некоторые даже считают тебя хорошим человеком — понравился, значит.

Люда.

*Вере Алейновой,
г. Лермонтов.
2 октября*

Дорогая Вера!

Прошу прощения, что так долго не писала — лето было сумасшедшее от жары и от всех тех трудов по восстановлению храма, которые я старалась осуществить до осенних холодов. Только теперь я почувствовала, в какое серьёзное дело вошла, не измерив свои возможности и силы, но что-то было сильнее меня, что закрыло мои рациональные подходы ко всему, чтобы зажмуря глаза двигаться и двигаться, как Бог поведёт. А Он послал мне человека, который подставил своё плечо под крест забот и о моей жизни, и о храме, и всё лето помогал мне своими рабочими, оплатой их труда, чтобы так быстро восстановить до нуля разрушенную колокольню. А строительные материалы покупала я сама на деньги, присланные разными людьми со всех концов, в том числе и Ваши. Спасибо огромное! Посылаю фото нашей работы. Осталось завершить куполом и крестом верхушку колокольни, и до следующей весны работа закрывается — пришли холода.

Все Ваши деньги я получаю и очень дорожу ими, как той малой лептой, о которой сказано в Евангелии. Пошли Вам Господь здоровья телесного и радости духовной.

Мне казалось почему-то, что я уже рассказывала о положении в нашей семье. Ну, а если нет, расскажу самые главные вехи.

После смерти родителей в 1985 году (ушли оба в один год), со мной полтора года жила подруга Женья. Она любила выпить, речь ее не обходилась без мата, но была она добрая, отзывчивая на страдания, знавшая меня с детства. О ней я писала в своей книжке «Сотворение жизни», которую, кажется, послала Вам. У неё были руки, как у мамы, и она легко обращалась со мной физически. Но пришла пора, когда ей надо было делать операцию. В то время мы уже поженились с Николаем, но я стеснялась его и не хотела, чтобы он видел меня как больную женщину. Тогда ко мне пришла Нина, талантливая актриса, на какое-то время оставившая свой театр и мужа, чтобы ухаживать

вать за мной. Это было в 1987 году. Нина была «рериховка», увлекалась восточной религией и пыталась нас просвещать в этой области. Тогда многие увлекались этой темой, но Бог послал мне другого человека, который рассказал нам о православии. И мы с Колей пошли в церковь. Нина вскоре уехала, пожелав нам с Колей остаться вдвоём, что и случилось на 18 лет.

Все последние годы, а это уже лет 8, со мной рядом разные люди, потому что у Коли в позвоночнике четыре грыжи, он резко ослаб и не смог больше меня носить. Сейчас у меня постоянно живут Рита и Таня из Молдавии: Рита пришла 23-летней ко мне, сейчас ей 30-й год. Она закончила здесь вечернюю школу, учится в институте заочно, перешла на 5-й курс. Таня со мной 4 года, она – вдова, у неё погиб муж, осталось двое детей, которые живут со свекровью, а Таня здесь зарабатывает им на жизнь.

Но это всё внешнее, поскольку у Бога всего много, и это Он выбирает, кого кому послать и зачем, но всё это открывается только во времени.

Испытания не оставляют нас, иначе зачем бы нам было жить – не для комфорта живём (поесть, попить – да и помереть), а чтобы мы стали богоугодными в дальнейшей жизни. Да как же нам здесь смягчиться, смириться да и ещё полюбить друг друга при нашей-то гордыне! Вот и надо строить храм в душе своей, а не только стены.

Как живётся Вам? Наверное, всем нам стало сейчас труднее в финансовом отношении. Нам это заметно даже по работе: совсем не те идут деньги сейчас на детей и совсем не в тех количествах дают детям продукты, обувь, одежду, а некоторые фирмы – наши многолетние друзья – и вовсе ничего не дают, так как испытывают сильный кризис в своём производстве.

Пишите. Всего Вам доброго!

Людмила.

*Юрию Холопову,
г. Калуга.
2 октября*

Юра, здравствуй!

Вот уже больше месяца прошло, как получила твоё письмо, а ответить всё никак.

Как твоя мама? Приходит время и твоих утрат и забот о тех, кто в них нуждается. Видимо, ближе к концу жизни всем нам идёт проверка, какими мы стали за свою жизнь, способны ли к пониманию другого человека, его страданий, болезней, капризов, — всё это испытание нашему терпению и смирению. При этом наше здоровье с возрастом тоже ухудшилось, и силы иссякают, и нервы на пределе, и как тут держаться своими силами, если не просить их у Бога.

Конечно, в жизни появляются новые люди, к которым привыкаешь, но это что-то другое. Старость — это не только возраст, но ещё и сиротство без ушедших дорогих тебе людей.

Где-то слышала недавно, что рядом с Божественным нет печали, рядом с Божественным только радость, вот я и боюсь своей печали, которая всё чаще стала одолевать моё сердце. Может, это возрастное, как говорят врачи?

Ну вот, пока и всё.

Привет от всех домашних.

Людмила.

*Глафире Аблясовой,
г. Белебей, Башкортостан.
10 октября*

Дорогая Глафира Георгиевна!

Прошу прощения за то, что долго не отвечала на Ваше письмо — тому есть причины, о которых чуть позже.

Очень рада получать такие письма, как Ваше. При этом узнаёшь о людях, которым не безразлична судьба молодых и хочется отдать этим молодым всё доброе, что сами знают и умеют. В разных точках земли действуют такие люди, составляя цепочку добра, неравнодушия, деятельности и часто бесребреничества. Рада узнать ещё одного из этих людей в Вашем лице.

По Вашим просьбам посылаю бандероль с книгами, одна из которых скоропостижно написана мной и называется «Сотворение жизни» — беглый экскурс по главным вехам моей жизни. Вторая книга,

«Здравствуй, вот и я!» – собрание моих писем за десятилетний период конца прошедшего века. Письма эти – к моей подруге Музе Воскресенской из Петербурга (тогда Ленинграда), которая когда-то устраивала выставку моих работ в своём городе. Собрать мои письма – это её инициатива, я только добавила фотографии, но кажется, эта книга таким, как Вы, интересна и, может быть, будет интересна другим. К сожалению, о последующих годах моей жизни пока ничего не написано, кроме газетных статей и информации в Интернете.

Кроме меня самой, это вряд ли кто-то сможет написать – так много всего и всякого. 12 лет назад я из сидячей превратилась в лежачую и стала адаптироваться к ещё более ограниченным возможностям. Ко мне пришла информация о детях, которые находятся долгое время в районной больнице, когда что-то случается с их родителями: болеют ли, пьют ли, попадают в тюрьму или просто бросают детей неухоженными, и тогда их подбирают органы опеки и поселяют в больницу на временное проживание. Меня поразило, что в больнице дети находятся порой очень длительное время без одежды, без школы, без игрушек, без занятий с ними, просто, как в пристанище, где только не дадут умереть с голоду. И тогда я стала хлопотать о создании детского приюта. Вопрос этот решался совместно с районной администрацией, и вскоре был образован Асеньевский «Детский дом», который существует вот уже 11 лет. Маленькие детки выросли, и кто-то ушёл учиться дальше, кто-то женился, а кто-то ещё живёт в детдоме и учится в школе.

Почти в то же время Бог свёл меня с московской организацией «Дом адаптации детей-сирот и инвалидов», и её председатель Татьяна Всеволодовна Русина предложила создать филиал в Боровске, а мне – стать его директором и таким образом быть зарегистрированной благотворительной организацией, готовой помогать детям.

И вот уже 12-й год я возглавляю общественную организацию, которая перекочевала из Москвы в Боровск и в последний год получила новое название: «Дело Общего Милосердия – дети-сироты и инвалиды». Суть от этого не поменялась, просто мы стали самостоятельной организацией, так как московская закрылась.

Наша организация «Дело Общего Милосердия – дети-сироты и инвалиды» является общественной благотворительной организацией, созданной для моральной и материальной поддержки детей-сирот, детей-инвалидов, матерей-одиночек, многодетных матерей, имеющих в семьях детей-инвалидов, а также взрослых инвалидов, заболевших с детства. Наше участие в судьбах детей – это санаторное лечение, оздоровительные программы, финансирование операций, культурные мероприятия в виде поездок в театр, в цирк, в различные музеи Москвы, проведения праздников, а также обеспечение детей продуктами питания, обувью, одеждой, игрушками, лекарствами, книгами, канцтоварами и т.д., что было бы невозможно без привлечения по-

мощи населения, не будь отзывчивых добрых людей, готовых поддержать наши усилия возможными для них средствами. Боровский «ДОМ» опекает четыре местных детских учреждения: Асеневский «Детский дом», где нашли приют и заботу 25 человек – дети от 3 до 18 лет, чьи родители были лишены родительских прав по причине алкоголизма, Малоярославецкий приют «Отрада» Свято-Никольского Черноостровского монастыря, где проживают 60 девочек от 3 до 18 лет, приют «Забота» в деревне Митяево, где находятся 20 детей подросткового возраста, Ермолинская специальная общеобразовательная школа-интернат VIII вида, в которой живут и учатся 81 человек разного возраста, клуб детей-инвалидов «Чашка чая», а также несколько детей-инвалидов, проживающих в семьях, которые особо нуждаются в материальной поддержке, и Центр «Малыш» – группа детей-дошкольников временного пребывания в количестве 14 человек. Все эти дети очень нуждаются в материальной и моральной поддержке, в заботе об их здоровье, образовании, профессиональном обучении.

Я несколько казённо рассказываю о деятельности нашей организации, но за всем этим скрывается пропасть людской скорби и отчаяния. Мне пришлось соприкоснуться с самым дном жизни, где страдают маленькие люди, часто не способные сами о себе позаботиться, и чего часто не видят другие, взрослые люди. Обо всём этом надо писать отдельную книгу, но пока не до неё – надо кормить детей.

В настоящее время ко всем прочим делам мы ещё и реставрируем храм Крестовоздвижения. Храм этот является памятником победы русского народа в войне 1812 года, в честь которой и был воздвигнут в 1814 году на народные средства, о чём есть свидетельства в архивных документах.

В 1945 году храм был полуразрушен и реконструирован под водокачку: снесены колокольня, свод, купол, главка, кресты, остались только стены, на которых была воздвигнута деревянная надстройка с огромным баком для воды. Парадокс времени: в память о павших в войне 1812 года был воздвигнут храм, а в год победы над фашистской Германией на том же месте – водокачка. Впоследствии здание перестало служить водокачкой и стало сдаваться в аренду, в нём на-

шей организации предоставили возможность для кратковременного хранения продуктов питания и различных товаров — гуманитарной помощи детским домам. Используя помещение под склад, тем не менее, наша организация с разрешения администрации города занялась демонтажом надстройки над храмовыми стенами с целью восстановления его первоначального вида и назначения. Едва ли горькая судьба наших сирот и инвалидов не является последствием нашего варварского поругания храмов, а бедственное положение людей, падение нравов — отсутствием моральных устоев и духовного обнищания.

Уродливое детство — это искалеченные судьбы, невидимая война с будущим поколением страны. Реабилитация социально запущенных детей, оказавшихся в детских домах, требует внимания не только государства, но всех добрых людей, способных понять размеры этой катастрофы. И в чём бы ни выразалось участие каждого из нас в доброделании, верится, что помощь людей друг другу не бесславна и не бессмысленна, что радует она больших и малых на земле и Бога на Небе и тем приумножает силы добра, ибо не деньгами измеряется, а мерою милости сердца.

Мы надеемся довести эту работу до конца, чтобы сохранить храм и как исторический культурный памятник нашего города, и как свидетельство о проходивших в Боровске боях с Наполеоновской армией, и как культовое здание, которое должно нести своё предназначение, тем более, что 2012 год — 200-летие победы в Отечественной войне 1812 года.

Вот такой «отчёт» получился у меня для Вас. Мне часто приходится писать об этом же многим незнакомым людям в попытке пробудить их души к благодеянию, и, конечно, я нахожу таких людей, а значит, наши сердца ещё не ожесточились для того времени, в которое наступит конец света. Ещё есть любовь на земле, хотя это чувство преображается и всё более держится на выгоде, страсти, корысти, тщеславии.

У вас благородная профессия — через искусство научать молодые души добру, красоте, любви, учить размышлять, а не только чувствовать. У меня сложилось впечатление, что люди становятся всё более рациональными, а чувства всё больше превращаются в эгоистическую самозащиту. Человек всё реже живёт миром, то есть вместе, в попытке защитить свой мирок всё более агрессивен и всё чаще воюет. Если бы в школе изучали духовное поучение: «стяжите мир души вашей, и возле вас спасутся тысячи», — всякий знал бы, что тот, кто подавляет в себе ответ на агрессию, всё равно что гасит пожар своей тишиной, своим безветрием, то есть не разносит искры чужого огня. И если бы каждый следил прежде всего за собой, а не за другим, то всем нам жилось бы намного легче и мы не оправдывали бы себя фразой «Жизнь такая!», когда наш поступок встречается с нашей совестью.

Что касается моего обучения в ЗНУИ (Заочный народный университет искусств), то это была для меня единственная возможность обучаться на факультете «Рисунка и живописи», поскольку другие отделения не для моих физических возможностей. Этот университет существует до сих пор, в нём может обучаться каждый, даже пенсионер без какого-либо образования, и если кому-то захочется поступить в него, то нужно только заявление по адресу университета и после ответа на письмо отправить деньги за обучение.

Мне очень повезло с педагогами, особенно с последним, которого звали Алексей Семёнович Айзенман. Мы с ним дружили долгие годы. Это благодаря ему в Боровске прошла моя первая персональная выставка, которая потом стала передвижной.

Потом была вторая выставка, но это были совсем другие работы, главным образом, те, что Вы видите сейчас. Первая была из учебных работ, то есть с натуры. Вторая состояла из моих фантазийных, сюжетных работ, которые мой педагог не одобрял, называя их «литературщиной». Ну, я никогда и не считала себя «чистым» художником, по своей натуре я — педагог, и мне всегда хотелось рассказать что-то, что я понимаю о жизни, а в какой форме — не важно.

Ну вот, пожалуй, и всё, что я могла рассказать о себе бегло. Если будет желание ещё что-то узнать, пишите. Дай Бог Вам сил всегда любить своё дело и тех, кто рядом.

Людмила Георгиевна.

*Александр Меламуду,
г. Москва.
14 октября*

Дорогой мой друг Саша!

Познакомилась с докладом Малофеева об инвалидах. Я живу внутри того содержания и тех проблем, о которых он пишет, и не один раз публиковались мои материалы в газетах на эту тему, главной из которых я считаю тему отношения общества к инвалиду, которое, к сожалению, зависит от менталитета и культуры людей, окружающих инвалида, начиная с родителей.

С самого детства это общество взрослых считало и называло меня «куском мяса», а дети во дворе дразнили «безногим инвалидом». Это не значит, что обо мне не заботились. Бог послал мне не сильно образованных и окультуренных родителей, но они были людьми с развитой совестью, ответственностью и стойкими понятиями о добре и зле. И весь смысл их жизни сводился к тому, чтобы лечить, учить и всяче-

ски обихаживать меня. Думаю, что и у других детей есть такие родители, но это счастливый случай. Мне встретилось на жизненном пути много людей, которые так или иначе участвовали в моей судьбе, в чем я усматриваю Божий промысел, но в целом моя психика долго была угнетённой сознанием, что я всё-таки — «инопланетянка». Особенно остро это стало чувствоваться, когда я повзрослела, став девушкой. Об этой внутренней униженности знает только тот, кто в этом теле живёт, в теле калеки. Своего уродства стесняешься всю жизнь, и это страдание можно преодолеть, только смирившись с ним.

Когда-то я писала небольшую заметочку под названием «Инвалид — человек Божий». Это было интервью со священником, с которым мы беседовали, почему существуют инвалиды, зачем и кому это нужно. И тогда я пришла к выводу, что калеки — это страдальцы за всех, за грехи других. А нужны такие люди для здоровых, чтобы те рядом с инвалидом имели возможность сочувствовать, сострадать, помогать, тем самым угождая Богу, даже если не думают об этом.

Государственная помощь инвалидам хоть и существует сейчас в виде нищенских пенсий, относительно бесплатных протезов и памперсов и технических устройств в виде очень редких автобусов с подъёмниками для колясок и домов-интернатов, но это такие поддачи, которые не решают инвалидных проблем, и часто родители остаются наедине с бедами своих детей-инвалидов в попытке как-то устроить их жизнь. Например, категория детей-инвалидов, которая находится в замкнутом пространстве комнаты, должна иметь балконы с возможностью выезда инвалидной коляски через дверь. В реальности балконная дверь в стандартной квартире делается такой ширины, что в неё может просочиться только ходячий человек, и то не слишком упитанный. Это вопрос к строителям и архитекторам. Мы с Колей были вынуждены весь проём окна и двери прорубить, чтобы была двойная дверь, расширить балкон, чтобы можно было поставить раскладушку и вынести меня на воздух. С моей крохотной пенсией мы, конечно, не могли проделать эту работу, если бы не спонсорская помощь. Эта модернизация сопровождалась таким возмущением соседей всего дома, что Рита, которая тогда только приехала ко мне, назвала это «кошмаром на улице Володарского». Так наши соседи выражали своё «сочувствие и сострадание».

Я недавно опубликовала статью «Жестокосердие законников», в которой описала, как судом заставили мать, имеющую ребёнка-колясочника, ломать кирпичную пристройку, которую она прилепила к своему окну, прорубив дверь на улицу, чтобы вывозить ребёнка на коляске в обход лестницы, которую трудно преодолеть. Соседям

со второго этажа не понравилась пристройка под их окном, её крыша мешает видеть двор из кухни, и дождь стучит по крыше, и снег лежит на ней, и вообще никакой жизни от этой пристройки не стало хотячей соседке со второго этажа. Об этом случае писала центральная газета, этот сюжет показывали по первой программе телевидения, но ничто не сломало волю судей, куда бы ни жаловалась бедная мать. Оказывается, она виновата была в том, что не обсудила эту тему с соседями и что пристройка была шире отведённой администрацией территории на несколько сантиметров.

Я много раз убеждалась, что всегда прав здоровый, а не инвалид, в споре именно сторону здоровых всегда поддерживает государство. Ситуации бывают такие анекдотичные, что плакать хочется от смеха. А что уж говорить о моих попытках связаться с самыми высокими верхами, чтобы обсудить и разрешить проблему существования таких физически неполноценных, беспомощных, как я, но способных работать, приносить пользу другим людям, облегчать и утешать тех, кто ещё слабее, — проблему ухода за инвалидами с помощью сиделок, достойной оплаты их нёлегкого труда.

Все мои письма муссируются вот уже несколько лет в органах верховной власти, совершая «круговорот воды в природе», т.е. пересылаясь из одного министерства в другое.

Конечно, такие доклады, как малофеевский, нужны, и тема эта требует освещения не только в православном журнале и не только для того, чтобы напечатали и забыли, но говорить об этом надо так громко и так пронзительно, как если бы сам Господь сказал с Неба и все услышали бы и уstraшились.

Люда.

*Музе Воскресенской,
г. Санкт-Петербург
6 ноября*

Здравствуй, моя подружка!

Вот как бежит время: ты мне писала в марте, а уж и ноябрь на дворе — так и жизнь скоропостижно проходит. Ты надеялась, что весной оживёшь и сил у тебя прибавится. Ну как? Я поражаюсь тому, что сил всё меньше, а забот и работы всё больше, уж не говорю про болезни, которые испытывают с годами всё тяжелее. В этом году нашла беда на Колю. Я писала тебе, что он стал пить.

Все мои увещевания — как об стенку горох. Всё это не могло не иметь последствий, потому что Бог видит, как пропадает Его чадо, которое столько лет в церкви, столько понял в духовной жизни и

оступился по обстоятельствам. И однажды Коля проснулся ослепшим, так что мои сиделки водили его в туалет. Очень испугался. Просил у меня прощения за всё. Через несколько дней зрение частично вернулось, так что сам может передвигаться, но полноценной жизни ему уже не видать, как прежде, он не может и рукоделием заниматься. Оказывается, у него был инсульт, который и повредил зрение. Вот и ходит из угла в угол, мается. Провели лечение, которое в целом обошлось тысяч в 25, но лечили сосуды, глазам уже не поможешь: атрофия сетчатки. Пить, конечно, перестал – зашился, а вместе с ним и мой брат Валера, который сразу стал человеком. Вот так и бывает: с одной стороны плохо, с другой – хорошо.

Как ты? Как твоя Надя? У тебя собачка, а у нас три кота, из которых одна кошка. Хоть их и не выгуливаем, но забот с ними много и расходов тоже. Ведь всё в жизни так: что доставляет удовольствие (а общение с животными – это такая радость), обязательно является и беспокойством, как за детей. Как ребёнок радуется, что он есть, а сколько всего перетерпишь с ним, пока вырастет, да и вырастет, заботами не оставит.

Ну, а ещё у меня всякие печали, связанные с одним из детских домов (я опекаю три). Но не буду пересказывать, а пошлю тебе вырезку из центральной газеты (она есть в Интернете: «Новая газета» от 27 октября, статья Н. Черновой «Все худшее детям»). «Провокатор» всего этого действия, чей портрет ты видишь рядом с моим, Бельский М.С. – уважаемый в области человек: советник губернатора, депутат областного Законодательного Собрания, председатель процветающего колхоза (в наше-то время), стопроцентный советский человек с вбитыми в голову понятиями «правильного мышления». Его идея – вернуть помещение в котором, когда-то был детский сад, но за не имением детей, детсад закрылся. В этом помещении и был устроен по моей инициативе детский дом, на что председатель категорически не соглашался, однако администрация настояла на своем. Более 10 лет просуществовал наш детский дом и все эти годы товарищ Бельский не принимал его ни душой, ни какой-либо помощью, со своей стороны, мечтая вернуть помещение под детский сад, поскольку количество малышей в деревне стало возрас-

тать. Идея детского сада вместо детдома, конечно, искусственная. Но идея возрождения детских садов прозвучала из уст самого президента, а наш губернатор — человек исполнительный и выполняет все его указы.

В своё время так же были ликвидированы и другие детдома, оставлены только те, которые сразу были ориентированы под детские дома при строительстве зданий, в которые теперь и собираются дети со всех концов области. Не знаю, может другие детдома и лучше, и обустроеннее, да только не каждый становится до-

мом родным, что очень важно для детей, потерявших родителей.

Еще раньше закрылся Ермолинский Дом ребенка с большими детьми, которых расселили по другим детдомам, уплотнив их территории.

Посылаю тебе снимок храма, который с Божьей помощью восстанавливаем (этой колокольни совсем не было, а на основном здании была водокачка с баком). На днях будут работы по завершению — купол, крест, и потом до весны работа прекращается. Если за зиму накопим денег, то весной предстоит штукатурка и покраска колокольни. Это только внешняя работа завершена, а внутри — непечатый край.

О здоровье говорить всегда скучно, потому что, если погружаться в эту тему, то из неё не вылезешь.

А ещё посылаю тебе заметочку о вашем Питерском Музее воды, где стоит мой «обронзовевший» рисунок «Пусть светит», слегка видоизмененный, но радующий меня тем, что я хоть так вернулась в свой любимый город. Заметочку писала моя подруга, которая тоже любит Питер. Да и кто его не любит.

Ну вот, пожалуй, и всё. Напиши хоть что-нибудь, а то давно тебя не видно и не слышно.

Люся.

*Фирма «Регион «Новые Технологии»
Генеральному директору
Геннадию Лукьянову
12 ноября*

Дорогой Геннадий Анатольевич!

Много лет Вы являетесь помощником нашей организации, которую я возглавляю вот уже 13 лет, опекая детей-сирот в детдомах и в семьях, а также детей-инвалидов, находящихся в трудных жизненных ситуациях. В самые необходимые моменты Вы поддерживали нас, финансируя то путёвки в санаторий для больных детей, то приобретение автомобиля для детского дома, то оплачивая детские поездки сирот и инвалидов на праздничные мероприятия в Москву, новогодние подарки и гостинцы. И мы всегда с благодарностью думаем о Вас не как о спонсоре, а как о друге, который всегда рядом в каждом трудном случае.

За эти годы Вы близко узнали и о моей судьбе, о трудностях, главная из которых – моя полная физическая неподвижность и беспомощность. Здоровый человек даже не задумывается о тех действиях, которые он совершает каждый день: помыться, причесаться, сходить в туалет, почистить зубы, пообедать и т.д. Когда ночью человек переворачивается с боку на бок, это тоже происходит произвольно и без усилий. Все эти «мелочи», которые ничего не значат для здорового, очень трудны для лежачего человека. А ещё болезни, таблетки, уколы, бессонные ночи. Все эти напряжения – на руках того, кто рядом с больным.

Вот и я существую до тех пор, пока меня обихаживают руки моих сиделок, которые вот уже несколько лет буквально держат мою жизнь за счёт своего здоровья. И несколько лет их труд оплачивался только одним человеком, который этим благодеянием тоже держит мою жизнь.

К сожалению, экономические обстоятельства усугубляются, деньги меняют свою цену, и стоимость жизни тоже повышается.

Я без нужды никогда не обращаюсь к Вам с просьбами. А сегодняшняя нужда в поддержке моего существования, вынуждает меня просить Вас о финансовой помощи в сумме, возможной для Вас, хотя бы 25 тысяч рублей ежемесячно.

В этом случае Ваша благотворительность не имеет цены, потому что нельзя измерить цену человеческой жизни, её нужности, её полезности для других людей.

Я очень надеюсь, что Ваше сердце и на этот раз с сочувствием откликнется на зов о помощи. Поверьте, обращаться с просьбами ничуть не легче, чем выполнять их.

С уважением

Людмила Киселёва.

*Светлане Морщацкой,
г. Чисть, Беларусь.
14 ноября*

Здравствуй, Светлана!

Вопрос твой непростой. И разве что под силу ответить на него только Богу, а Он действует через обстоятельства, сжимающиеся вокруг человека, и если человек умеет «читать» Божий замысел, то он понимает, куда ему идти, что делать.

Наши чувства часто обманчивы, и что хорошо сейчас, то плохо завтра, и наоборот, что плохо сегодня, то хорошо завтра.

На себе я испытала то, о чём говорю. В тот период, когда я осталась без родителей, я страстно любила далёкого друга из Магадана, и хотя я влюблялась и до него и очень эмоционально и надолго, этой страсти не было равных по нестерпимости её жжения и жажды быть с этим человеком, обладать его душой, по желанию быть такой же любимой им. Он тоже был очень привязан ко мне, и когда я решила оторваться от него, чтобы не сгореть совсем, он страшно переживал это и не хотел расставания.

А в это время в моей жизни появился другой человек, молодой, романтичный, талантливый поэт, для которого я стала чем-то вроде Музы, потому что в его творчестве произошёл такой всплеск стихов, как взрыв на солнце, и солнечный ветер подул во все стороны, в том числе на его друга, который тоже опалился этим огнём и на его стихи писал великолепные песни. Между мной и Поэтом проскочила искра, которая и подожгла всё это.

И вот, казалось бы, ситуация у меня критическая: родителей нет, женщина по уходу заболела, вопиюще стоит вопрос, на чьи руки меня передать. Я сама ишу эти руки, ко мне приходят разные тётки с железными зубами, осматривают квартиру в поисках мест, куда они поставят рулоны своих ковров, пока я ещё жива. А в это же время жена Музыканта уходит от него, подаёт на развод, чтобы выйти замуж за другого. Поэт обременён связью с женщиной, которая ждёт от него ребёнка. А в Магадане всё тоскует мой возлюбленный.

Вот задачка Богу!!! Чьи же руки мне подставить??? Возлюбленный очень интеллектуальный человек, одухотворённый, но, по-моему, может сварить для себя только «бомбовую» лапшу «Доширак». Поэт только стихи умеет писать, но когда за его ребёнком нужно было гор-

В. Прокошин, Н. Милов,
С. Рыжов

шок вынести, его вырвало. И выходит, что только Музыкант оказался пригодным для моего поддержания: и готовить обеды умеет, и стирать, и мыть, и огород засаживать, да ещё и петь, рисовать, лепить, плести, сочинять стихи и не брезглив.

Ты, конечно, догадываешься, что Музыкант – это Коля, которого я не выбирала – его Бог выбрал.

Это я не о себе рассказываю, а читаю книгу бытия, ведь мы часто ищем то, чего нам хочется и очень редко то, что нам полезно для души с точки зрения Небесной.

Попробуй посмотреть на все обстоятельства, которые сводят тебя с полюбившимся человеком, насколько он пригоден для совместной жизни в твоих нестандартных условиях. Я знаю, когда любишь, то на многое закрываются глаза и, наверное, так должно быть, а то мы не совершали бы никаких подвигов и не узнали бы самих себя в других обстоятельствах, нежели в тех, которые нам привычны. В любви всегда риск, но в этом риске всё-таки должно что-то созидаться, ибо Господь сам – Создатель, а что разрушается, то не от Бога.

Вот так, Светочка, я думаю, а правильно ли – судить не мне.

Спешу отправить тебе это письмо, поэтому о себе совсем немного. Посылаю тебе снимок храма, работу над которым завершаем.

Посылаю также статью из газеты про наш детский дом, который закрывается, чтобы не рассказывать долго о моих делах и событиях.

Никаких эмоций не выражаю – сама всё поймёшь.

Твои книжки я рассылаю своим друзьям, таким же, как мы. Всё-таки ты здорово придумала – написать именно о таких людях, о семьях инвалидов, особенно сейчас, когда наконец-то хоть поверхностно, но заговорили о людях с ограниченными возможностями. И хорошо бы эту книгу довести до сведения официальных лиц вашего города, чтобы её могли переиздать в лучшем типографском качестве и большем количестве. А тебе продолжить бы эту тему во второй книжке.

Вот теперь всё. И пока – пока.

Л.Г.

*Отцу Владимиру,
с. Давыдово, Ярославская обл.
17 ноября*

Добрый день, отец Владимир!

Прошу простить меня за вторжение в Вашу жизнь со своей проблемой, практически невыполнимой. Если бы я могла жить вдали от тех условий, в которых я живу дома, то не было бы мне лучше места,

как у матушки Николаи в Свято-Никольском Черноостровском монастыре в Малоярославце, что рядом с Боровском. Мы давно опекаем приют «Отрада», который находится в этом монастыре, часто встречаемся с сёстрами монастыря, приезжающими к нам за гуманитарной помощью. Часто ко мне приезжали и дети из «Отрады», пели песни. А однажды и я сама сподобилась побывать в монастыре — на каталке, в лежачем положении.

Дружим мы уже много лет, матушка хоть сегодня готова принять меня. Да вот только тело моё никуда не хочет, точнее — не может, и руки тех людей, которые его, тело, пестуют, не всегда могут помочь, хотя и готовы к этому подвигу. Совсем я стала плоха, особенно по ночам. Я почти перестала спать и не даю спать своим сиделкам по очереди, и не каждый может терпеть эту пытку.

В подробностях всего не расскажешь, а поверхностно никто не поймёт, здесь надо пожить не один день, чтобы увидеть все особенности нашего бытия.

Поэтому мы ищем наугад, приглашаем в дом в надежде научить, чтобы человек стал полноценным помощником. Но чаще всего эта надежда сходится к помощи больше по дому, по хозяйству, чем по уходу за мной. Со мной должен быть не волонтер, а жилец, посвященный в тонкости содержания моей физической жизни.

Если всё же Бог пошлёт на Вашем пути подходящую женщину, сообщите, пожалуйста, её координаты. В начале декабря, как всегда, моя сиделка Таня на время уезжает домой, а Рита остаётся со мной одна, одному же человеку со мной невозможно справляться, ибо невыносимо не спать 10 ночей подряд — можно свихнуться.

Бог в помощь Вам.

Людмила.

*Татьяне Косяк,
с. Златополь, Украина.
5 декабря*

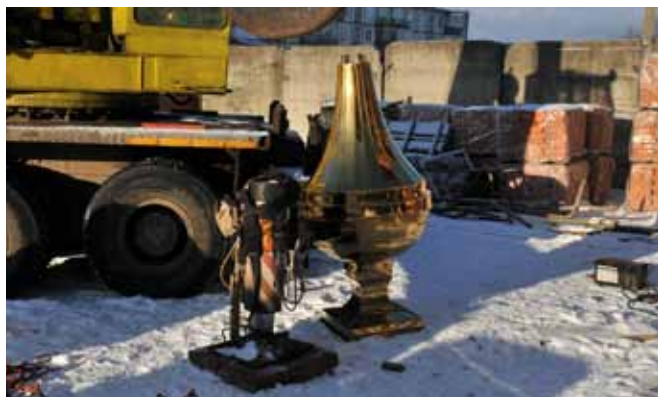
Таня, здравствуй!

Никогда не жаждала здоровья — жила себе и жила, адаптируясь к тому, что Бог послал, а сейчас стала тосковать из-за своих невозможностей. Слава Богу за то, что послал мне людей, буквально держащих в руках своих мою жизнь, а без них я была бы в другом месте. Поскольку живём мы друг с дружкой очень плотно, практически не имея отдыха друг от друга, психологически нам трудно сосуществовать, и бывает, что мир в наших отношениях раскачивается и все на

нервах. Вот уж в таких условиях особенно важно сохранять достоинство, даже когда сползает «культурный» слой с каждого из нас, и каждый из нас даже при конфликтных ситуациях ищет в себе возможность сотрудничества друг с другом, примирения, а главное – понимания друг друга. В таком положении нередко на грубость сорвёшься, а потом всё сглаживается, и все мы опять живём вместе, как родные люди, которые тоже нередко бранятся, а всё равно любят друг друга.

Я не на твою гордыню намекала, а имела в виду то, что мы все гордые и это есть главное наше поражение со времен сотворения мира, с того момента, когда денница поссорился с Богом. Именно по причине гордости мы все на земле так тяжело живём друг с другом и во дворе, и между народами. Но между тем мы все ценим вежливость, тактичность, деликатность, вот только если бы мы сами могли исполнять то, что понимаем, знаем и ценим. А причины неисполнения у каждого свои: кто-то воспитывался в грубой среде, кто-то по темпераменту вспыльчив, кто-то выше себя никого не видит. Но мы вынуждены жить друг с другом, с такими, какие пришли, и ещё надо уяснить, зачем нам Бог послал именно таких людей, может быть, полезных именно для нашего воспитания.

А ещё я вижу проблему нашей ранимости в том положении, в котором находимся ты, я и такие, как мы. С раннего детства я чувствовала унижение от окружающих, начиная с детей и кончая взрослыми, и до сих пор некоторые люди считают меня «бревном» и чем-то вроде такого. В нашей стране из глубоких корней исходит пренебрежение к инвалидам, как к низшим тварям, и, естественно, что наше сердце страдает от этого и болезненно воспринимает всё, что пропускает мимо ушей человек «стандартный», то есть здоровый. Я тяжело воспринимаю грубость вообще, повышенный тон, базарную интонацию, но иногда вспоминаю евангельские слова о том, что судить нельзя потому, что не знаем предыдущей жизни того, кого судим, и

как он стал таким. Однажды встретилось такое изречение: «Прежде, чем осуждать кого-то, возьми его обувь и пройди его путь, попробуй его слёзы, почувствуй его боль. Наткнись на каждый камень, о который он споткнулся. И только после этого говори, что ты знаешь, как правильно жить!» К сожалению, мы этого не помним каждый день, но даже если сами стараемся соблюдать этикет в человеческих отношениях, то и это уже достижение, а научить другого очень трудно.

Посылаю с этим письмом сообщение и радостное, и грустное: радостное, что заканчиваем восстановление храма, над которым трудимся 2 года, и на днях будем ставить купол, главку и крест, а печальное сообщение — закрылся наш детский дом, который я сопровождала со дня его основания, где выросли малые детки в больших красивых девушек и юношей, и наши попытки сохранить детдом от разорения не имели успеха (почитай статью Н.Черновой «Всё худшее детям»).

Вот, пожалуй, и всё, о чём сегодня хотелось бы сказать.

Вопрос: ты не размещала свои рисунки в Интернете?

Дай Бог тебе побольше радости, поменьше гадости.

Спасибо за трактат вежливости. Если бы его можно было заложить в человеческие мозги, как программу в компьютер, может быть, от этого мудрого опыта человечества и была бы польза, но, к сожалению, мы научаемся тому, чем живем в своей среде обитания, и редко учимся у мирового опыта. Потому и продолжаются на земле войны и разорения, а культура опускается всё ниже пояса.

Здоровья тебе хоть того, какое есть, лишь бы не хуже.

Л.Г.

*Сергею Аракчееву,
г. Москва
5 декабря*

Здравствуй, Сергей!

Вот и заканчивается старый год, но старые проблемы нервно переходят в год новый. Я имею в виду ту проблему, с которой обращалась к тебе в начале этого года, и хочу просить тебя и в новом году подержать меня финансово в оплате сиделок, живущих со мной неизменно одна 7 лет, другая 5 года. Оставив свои родные дома, своих детей, они буквально держат мою жизнь в своих руках.

Моё здоровье резко ухудшается в последнее время, я перестала нормально спать ночами, и они — со мной. И будет ещё хуже, труд сиделки дорожает. Ещё он дорожает потому, что цены повышаются на всё, а значит, это ещё одна моя проблема: всех прокормить.

Не буду сильно загружать тебя подробностями нашего бытования, скажу только, что у мужа моего Николая был инсульт, от которого он наполовину ослеп, и теперь финансово да и физически из него помощник никакой.

Ты мне рассказывал, что финансовые вопросы в одиночку не решаешь, что у тебя есть соучредитель. Если надо, я могу написать официальное письмо на вас обоих со своей просьбой. Заключается она в том, что к уже имеющейся сумме мне необходимо дополнительно ежемесячно 12 тысяч рублей в месяц. Если у тебя нет такой возможности, то сколько можешь.

Дай Бог тебе сил на всех нас, кто имеет нужду в твоей помощи.

Люда.

*Людмиле Ожигановой,
Приморский край, п. Кавалерово.
21 декабря*

Дорогая Людмилка!

Тебе не кажется, что у нас с тобой затянулось время тишины? Как будто между нами и правда 13000 км. А между тем «мы теперь уходим понемногу», как писал великий поэт.

Трудные пошли времена – времена прощаний и утрат. За последние годы я потеряла близких сердцу людей: Валерия Прокошина – талантливого поэта, Татьяну Бабушкину – талантливого педагога, Нину Добрикову – талантливейшую актрису. И все эти люди – необычной судьбы, доброй души, космического масштаба мышления. Скорблю по этому поводу, хотя и осознаю, что они продолжают, и надеюсь, что им лучше там, чем нам здесь.

Как-то всё чаще в последнее время стали одолевать помыслы об уходящей жизни, что вызывает печаль в сердце и озабоченность о тех, кто остаётся, кого я приручила, кто приручил меня, кого я любила (и люблю), и нет мне покоя. Спать совсем перестала, просыпаюсь в четыре-пять утра и люблюсь сопящей Риткой или Таней (смотря, кто со мною дежурит). И так смотрю часов до семи, раздумывая на разные темы. Пытаюсь молиться, но внимание разбегается в разные стороны, а потом засыпаю часов до девяти и просыпаюсь с ненормальной головой. А впереди рабочий день.

Ну что тебе рассказать? Я рухнула в один год, как осеннее дерево: мышцы совсем истощились, и руки стали похожи на куриные лапки, а физиономия, которая с годами имела тенденцию к ожирению подбородка, стала похожа на черепушку и вешу 36 кг, как тот баран.

А самое обидное, что процесс продолжается. Наверное, скоро буду похожа на египетскую мумию. Зато девочкам легче меня носить из комнаты в комнату, но моё бессилие превращается в ночные пытки и для меня, и для них.

Посреди всех этих ночных «увеселений» иногда снятся апокалипсические сны. Например: сижу в квартире, подо мною полы с расщелинами, и вижу в них, что внизу горит огонь — пожар, а вокруг меня люди занимаются какими-то делами, все озабочены и суетны. И следующий кадр: уже наверху всё объято пламенем, и я понимаю, что процесс необратим, что в пожарную часть звонить поздно... Этот сон был накануне летних пожаров по всей стране. Но я думаю, что такой сон — предупреждение для каждого из нас, живущего в суете, не видящего опасности у себя под ногами, стоящего перед опасностью будущей. Так я понимаю свой сон.

А между тем 12 декабря состоялось освящение креста и установление его на колокольне, что является свидетельством завершения крупных внешних работ по восстановлению храма, в которых принимали участие и те люди, от которых ты присылала мне деньги. Событие это привлекло внимание города, но не настолько, чтобы люди понесли свои деньги на продолжение восстановления теперь уже внутри храма. И я опять наедине со своими маломощными силами и с пожеланием найти за зиму деньги.

А деньги искать всё сложнее. Даже на подарки детям к новогодним праздникам с трудом удалось их собрать. Однако всё же кое-что удалось, и теперь у меня болит голова, как успеть приобрести подарки для ребят, которые они просили у Деда Мороза (Дед Мороз — это я). Подарки эти — не только в виде гостинцев, но и в виде существенном-вещественном. Например, магнитофон, телевизор, МП-3 плеер, мобильный телефон и т.п. В основном, это дети-инвалиды, поэтому хочется их порадовать. Знаю сама, как в детстве (да и разве только в детстве!) радуешься тому, о чем мечталось.

Наша организация опекает не только сирот и инвалидов, но и матерей-одиночек, и многодетные семьи, поэтому к нам могут приехать из самых дальних деревень бедные люди, и тогда только успевая поворачиваться. Под праздники такое состояние особенно напрягает, и нужда во всяких пожертвованиях особенно актуальна.

А ещё надо написать около ста писем поздравительно-благодарственных всем, кто нам протягивает свою лепту, хоть сколько-нибудь. Ведь должна быть обратная связь, чтобы благодетели чувствовали радость от того добродейания, которое они совершили.

Коля плетёт маленькие корзиночки в надежде, что под Новый год их раскупят в качестве подарков. Мы пробовали ставить веточку ёлки в корзинку, а на неё вешать один маленький шарик — получается симпатично и празднично, а главное, не очень дорого. Это немало важно при наших провинциальных зарплатах и столичных ценах на продукты и товары, а также на оплату квартир. За мои две приходит-

сы платить 7 тысяч, а пенсия у меня – 9 тысяч рублей, и если бы не благодетели, то хоть застрелись, давно бы выселили.

Посреди всех наших болезней и забот, приготовлений к праздникам и бессонных ночей единственная забава и утешение – это наши два кота и кошка: Мики, Макс и Мася (в просторечии Маня).

За окном навалился белый снег на всю нашу землю, и я живу добрыми надеждами на добрые события.

Время от времени продолжаю переписываться то с Президентом, то с Министерством здравоохранения РФ, то с губернатором на тему жизни инвалидов, которые остались без родительского ухода. Когда-то я написала статью «Что я буду делать, когда умрёт мама?» Так вот, Министерство обещало к концу 2010 года продвинуть этот вопрос (начиная с 2007 г.), вот теперь я с них спрашиваю ответ, хотя заранее знаю его содержание. Этот вопрос был передан в калужское министерство, и теперь оно завершает эту тему решением вопроса лично со мной. Всё как в прежние советские времена.

Наверное, ты слышала что-нибудь об Асеньевском детском доме, который появился 11 лет назад? Его закрыли, выселив детей якобы для открытия детского сада. По этому поводу был скандал: сотрудники и дети бунтовали против такого решения, я тоже писала письмо с просьбой о заступничестве уполномоченному по правам ребёнка в РФ Павлу Астахову и в «Новую газету». По моему обращению корреспондент «Новой газеты» Наталья Чернова написала статью в газету «Всё худшее детям». После этой статьи, появившейся и в Интернете, мне позвонил губернатор и поставил меня перед необходимостью закрытия, заверяя, что нашим детям в других детских домах (в Азаровском и Кондровском) будет очень хорошо, так как там лучшие условия. Я верю, что условия там лучше, но я знаю, что каким бы ни был родной дом – победнее, без бассейна – он всё-таки родной, ведь дети в нём выросли с малолетства. Сейчас часть детей передана в приют «Забота» в нашей деревне Митяево, а большая часть возвращена в родные семьи, которые находятся в рискованной ситуации, с дальнейшим обещанием переселить их в приют «Ориентир», который вновь создается в г. Балабаново. Все мы в шоке. В душе осталось чувство разорённого гнезда.

Ну, вот такие наши дела, наши беды и радости.

Поздравляю тебя и Сергея с наступающими праздниками Рождества Христова и с Новогодием. Каждый год жизни всё труднее и труднее, но всё дороже и дороже в прямом и переносном смысле. Да и сам смысл принимает новое значение в сравнении с молодыми годами. Иногда вдруг его теряешь, и тогда кажется, что на земле нет ничего настоящего, всё ложно, кроме страдания и физической боли, которая часто невыносима.

Я желаю вам, чтобы все дни ваших страданий и боли имели смысл, может быть, до сих пор скрытый от нас, который мы ищем вслепую, то находя, то теряя.

Стойкости вам, крепости в устремлении к Небу. И пусть маленькие радости нашей земной жизни, соединившись в одну, станут для вас крыльями.

Всего самого доброго.

Людмила.

*Оксане Ламоновой,
г. Киев, Украина.
21 декабря*

Дорогая Оксана!

На твой вопрос, который переходит из одного письма в другое, «как Ваши дела? Как Ваше здоровье?», — всегда один и тот же ответ: «У меня всё по-прежнему». Ну, а далее маленькие нюансы, вкрапленные в «одно и то же».

12 декабря сего года состоялся освящение креста и установление его на завершённую колокольню. Событие иллюстрирую фотографиями. На весну отложена работа по оштукатуриванию её, да и то если будут деньги.

Эту работу так трудно было делать нынешним летом, что это стало напряжением, как сама жизнь, ежедневно трудная.

А впереди — зима, которая уже сейчас засыпала снегом полземли. Сегодня воеет за окном вьюга, а я радуюсь, что на крыше храма мы успели поставить снегодержатели, чтобы не рухнула система водостоков от снежного покрова.

Наши котовидные живут себе припеваючи, точнее, приедаючи — совсем сожрали меня, вернее, мой бюджет, поскольку кошачий корм стоит недёшево. Но мы уже не представляем жизни без них, без их утренних воплей, кошкодрак.

Сейчас очень много забот, связанных с предстоящими праздниками, ещё и потому, что люди реже откликаются на мои просьбы подарить детям радость праздника хотя бы в виде новогодних представлений и традиционных подарков. Все жалуются на отсутствие денег.

А тебе я желаю и встретить, и проводить праздничные дни так, как тебе хочется. Добрых тебе дней на весь год, интересных путешествий, книг, открытий, выставок и новых друзей.

Л.Г.

Благодарственное

Генеральному директору

Гиоевой Г.С.

Уважаемая Галина Семеновна!

КРОО «Дело Общего Милосердия - дети-сироты и инвалиды» обращается к Вам и Вашим сотрудникам со словами благодарности за ваше соучастие в судьбе, которая свела нас вместе на пути служения самым маленьким, беспомощным и беззащитным людям на свете - сиротам и инвалидам.

И в каких бы размерах ни выразилось ваше участие, верится, что помощь эта не бесславна и не бессмысленна, что радует она больших и малых на земле, Бога на Небе и тем приумножает силы добра, ибо не деньгами измеряется, а мерою милости и сострадания вашего сердца.

Больших вам сил для будущих добрых дел.

С уважением _____ / Л.Киселева /
директор «ДОМ - дети-сироты и инвалиды»